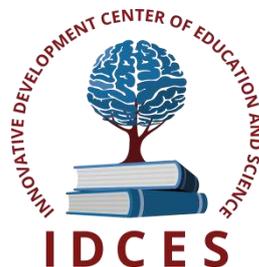


ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE



**Актуальные вопросы и перспективы развития
гуманитарных наук**

Выпуск IV

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2017 г.)**

г. Омск

2017 г.

УДК 009(06)
ББК 6/8я43

Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 4. г. Омск 2017. 43 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семёновна (г. Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г. Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г. Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г. Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г. Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г. Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г. Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г. Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г. Москва)

В сборнике научных трудов по итогам IV Международной научно-практической конференции «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г. Омск представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2017 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	6
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	6
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	6
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	6
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	6
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ИНОВАЦИИ В ДИЗАЙНЕ КОСТЮМА Диева О.Н., Геппа В.В.	6
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	8
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	8
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	8
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	8
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	8
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	8
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	8
МОТИВЫ РАННЕЙ ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКИ И.А. БУНИНА Труфанова И.А.	9
СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	11
СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ	11
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)	11
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)	11

СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)	11
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)	11
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)	11
РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТЕЙ В. ТОКАРЕВОЙ Голайденко Л.Н., Ханнанова Э.Ю.	11
ГЛАГОЛЫ <i>ВСПОМНИТЬ</i> И <i>ПОМНИТЬ</i> КАК ЧАСТОТНЫЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ СЕМАНТИКИ ВОСПОМИНАНИЯ В ПОЭЗИИ А. БЕЛОГО Куптарева Э.В.	14
АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ Морозова Т. В.	18
ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УПОРЯДОЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ Сложеникина Ю.В., Звягинцев В.С.	21
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)	25
THE CAUSATIVE IN THE YAKUT LANGUAGE Dubrovina M.E.	25
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)	27
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)	27
ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ Поползина Л.П.	28
THE PROBLEM OF ORGANIZING COMMUNICATION IN MODERN LANGUAGE LEARNING Popolzina L.P.	28
ЭКСПЛИКАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВИДЕОИГРАХ Ющалкина В.В.	30
СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	32
О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОСТИ В РУМЫНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА НА РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНА А. ДЮМА «ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ») Семенова Д.Н.	32
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	35
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	35

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Капралова Е.О.	35
СЕКЦИЯ №23. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	37
СЕКЦИЯ №24. ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	37
ТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ Кумыкова З.И.	38
СЕКЦИЯ №25. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22).....	40
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2017 ГОД.....	41

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ИНОВАЦИИ В ДИЗАЙНЕ КОСТЮМА

Диева О.Н., Геппа В.В.

Юго-Западный государственный университет, РФ, г. Курск

С появлением новых требований и внедрением инновационных технологий изменились традиционные представления о принципах и методах моделирования одежды. В производстве модного костюма в контексте этих процессов сложилось новое, пока недостаточно изученное направление проектирования - концептуальное. Эти обстоятельства определяют насущную необходимость изучения теоретической базы концептуального направления и исследования возможностей его практического применения.

При создании и использовании костюма люди по их природе стремятся к красоте как к следствию его всестороннего совершенства — социальной целесообразности, функциональности, удобства, надежности, оригинальности, мастерства исполнения, технологичности, остроумия композиционного решения, выразительности формы. Разумеется, что и критерии красивой вещи и критерии человеческой красоты неодинаковы, а порой и противоположны в разных эпохах и этносах, однако их присутствие с самого начала человеческой истории, в качестве осознанного или бессознательного стремления бесспорно.

Каждая полезная вещь в сфере потребления является одновременно и вещью социальной, культурной, удовлетворяющей в какой-либо степени эстетические потребности. В зависимости от доминирующих функций, костюм можно назвать вещью или социально-культурным объектом, необходимым для половозрастной, классовой, профессиональной, конфессиональной, региональной, этнической дифференциации людей. Эта интегративная функция костюма возникла в качестве отличительного признака как метки на теле еще на ранних ступенях развития человеческого общества. Современный же костюм является продуктом дизайн - деятельности и несет в себе зримое отражение процессов действительности.

Для правдивого и верного их отражения эстетика, так же как и другие науки, опирается на опыт своего развития, где анализ исторического пути выступает неотъемлемой частью прогностического моделирования одежды. Дизайнер одежды воплощает свои идеи прежде всего в моделях одежды, свою творческую концепцию - в форме модного показа, что связано с необходимостью регулярно демонстрировать сезонные коллекции одежды, если речь идет о промышленной или высокой моде. Но все это не означает, что в

дизайне находят воплощения основные тенденции развития современной культуры: в нем можно обнаружить реализацию важнейших концепций и идей, определяющих суть современного дизайна.

Высшие цели дизайна, ориентированного на эстетику человека: развитие творческих способностей личности, создание благоприятной и комфортной для человека среды. Продукция эстетического направления дизайна выступает стимулятором сознания, наглядным аргументом в пользу экологичного и экономного потребления в соответствии с одним из требований экологической эстетики, признающей главенство экологических ценностей: охраны природы, защиты естественных потребностей, поддержания экологического равновесия, развития творческого потенциала человека. Техническая эстетика требует более внимательно относиться к использованной одежде. Дизайнеры занимаются проблемой регенерации отходов, повторного использования сырья, предлагая множество вариантов ее решения: от вторичного применения до продления срока жизни бывшей в употреблении одежды морально устаревшей. Отсюда и появление моды на «винтаж» (vintage). [6]

Сегодня в научных работах, посвящённых модному костюму, заметна тенденция переноса интереса с рассмотрения утилитарного значения одежды на культурно-социологическое осмысление её визуальной выразительности и знаковой наполненности. Результатом этой тенденции стал возросший интерес к таким феноменам моды XX в., как «арт-мода» и концептуальный костюм.

Среди других направлений технологического совершенствования одежды в работе особо выделяется биомиметика, изменившая представление о костюме как неподвижной субстанции. Товары, схожие по качеству и дизайну, ежегодно сходят с конвейеров, теряют свою индивидуальность, становясь безликими и не интересными для общества. В XXI веке наиболее важным критерием при выборе товара становится приобретение новых эмоций, стремление скорее к самовыражению, нежели функциональному удовлетворению. Этому требованию отвечает арт-дизайн одежды с его невиданными образами, формой и конструкцией.

В течении нескольких лет на кафедре дизайна и технологий изделий легкой промышленности ЮЗГУ разрабатываются арт-коллекции одежды с использованием законов технической эстетики и дизайна. [2]

Проектирования таких коллекций подтолкнули к поискам уникальных проектных решений, отвечающих новым типам восприятия пространства. Поиск оригинальных идей для создания арт-коллекций, требует углубленных поисков в области технологии создания одежды, конструирования, фактурообразования и инноваций.[3]

Дизайнерская одежда является неотъемлемой частью гардероба тех, кто следит за модой. Коллекции, представленные модельерами, отличает общая идея, определенная тематика или похожие цветовые решения. Они могут быть созданы как одним автором, так и группой дизайнеров определенного бренда или Дома моды. Часто модельеры черпают вдохновение в других видах искусства. Так, на современные коллекции одежды большое влияние оказали такие направления, как сюрреализм (например, при соединении чего-либо несоединимого), поп-арт (использование фото, других реалистичных объектов), постмодернизм и т. д.

Самым инновационным способом моделирования в дизайне можно считать перспективное моделирование, или проектное прогнозирование, которое занимается изучением желаемых перспектив развития общества и разрабатывает проекты, которые могут способствовать достижению этого идеала. Развитие конструктивного решения коллекции предполагает динамичную выразительность нюансов кроя.[3]

Декоративное решение коллекции должно четко продумываться от модели к модели. Коллекция не должна быть перегружена декором. Дизайнер не должен подменять понятие «дизайн одежды» украшательством моделей. Количество декора в каждой модели должно быть разным. Модели, выполняющие роль композиционного центра в коллекции и являющиеся, по сути кульминацией, выражающей центральную идею и замысел автора, могут иметь самое яркое и насыщенное декоративное решение.

При проведении работы использовался системный подход, позволяющий рассматривать предметы и явления во взаимосвязи. Изучение широкого диапазона проявлений дизайна костюма обусловило необходимость комплексного методологического подхода.

Трудности дизайна в наши дни значительно отличаются от прошлого, с одной стороны, дизайнер - творческая профессия, требующая определенных художественных навыков, «чувства прекрасного», чувства меры в этом «прекрасном». Но на практике, оказывается, что "дизайн является функциональным элементом индустриальных структур и должен быть ориентирован, во-первых, на решение средствами дизайна

корпоративных задач по достижению высоких прибылей и, во-вторых, на определенные, уже сформировавшиеся потребности различных социальных, национальных, возрастных групп населения.

Список литературы

1. Диева О.Н., Емельянов В.М., Геппа В.В. ЭСТЕТИКА И ИНОВАЦИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ОДЕЖДЫ // В сборнике: Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны сборник научных трудов по итогам III международной научно-практической конференции. 2017. С. 9-12.
2. Диева О.Н. ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ИННОВАЦИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ОДЕЖДЫ// В сборнике: Основные проблемы гуманитарных наук Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 19-24.
3. Федотова И.В., Диева О.Н. ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ДИЗАЙНЕРОВ ПРИ МАКЕТИРОВАНИИ КОСТЮМА//В сборнике: СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ, НАУКЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ сборник трудов VI международной конференции: IV международный конкурс научных и научно-методических работ. Международная академия информатизации, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского. 2016. С. 87-90.
4. Плешкова И.С. «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ» КОСТЮМ КАК ДОМИНИРУЮЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ОДЕЖДЫ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, выпуск № 2-2 / 2010
6. Диева О.Н. АРТ-ДИЗАЙН В ПРОЕКТИРОВАНИИ ОДЕЖДЫ XX - НАЧАЛА XXI ВЕКОВ// О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Инновационный центр развития образования и науки. 2016. С. 6-13.

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

МОТИВЫ РАННЕЙ ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКИ И.А. БУНИНА

Труфанова И.А.

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск

Тема природы – одна из главных тем в раннем творчестве И.А. Бунина. В пейзажной лирике поэт запечатлел особенности природы горячо любимого Орловского края. Многие стихотворения, посвященные природе, навевают воспоминания о красочных картинах И.Левитана («Бушует полая вода...», «Весенняя сказка», «Русская весна»). Бунин создал множество великолепных картин неяркой русской природы, наполненных любовью и восхищением. Осень, зима, весна, лето – в этом бесконечном круговороте времени, в радостном обновлении природы черпает Бунин впечатления и краски для своих стихов. Его пейзажи отличаются удивительной конкретностью и точностью описаний:

В сизых ржах васильки зацветают,
Бирюзовый виднеется лен,
Серебрится ячмень колосистый,
Зеленеют привольно овсы... [1, с. 65].

Для пейзажной лирики И.А. Бунина характерно одухотворение природных явлений:

А весна в зазеленевшей роще

Ждет зари, дыханье затая,
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в темные поля [1, с. 93].

Олицетворение явлений природы дополняется написанием с заглавной буквы:

И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой [1, с. 84].
И неподвижно Ночь сидит
Над тихим морем: на колени
Облокотилася, – глядит
На валуны, где тает пена [1, с. 146].

Почти все стихотворения молодого поэта – это неустанный гимн красоте и гармонии природной жизни. Одним из лейтмотивов ранних поэтических сборников Бунина является мотив единения лирического героя с миром природы. Стихотворения, написанные в начале творческого пути, полны радостного принятия жизни, единения с природой:

Ты раскрой мне, природа, объятья,
Чтоб я слился с красою твоею! [1, 53].
Единство поэта с миром природы звучит и в его стихотворении "Оттепель":
И, упиваясь красотой,
Лишь в ней дыша полней и шире,
Я знаю, – всё живое в мире
Живёт в одной любви со мной.

Красота природы для Бунина – вечная ценность, поэтому мотив красоты также является лейтмотивным в пейзажной лирике:

А мир везде исполнен красоты.
Мне все теперь в нем дорого и близко:
И блеск весны за синими морями,
И северные скудные поля... [1, с. 72].

Человек в стихах Бунина предстает не зрителем природы, а, как говорил Тютчев, "мыслящим тростником", частью природы:

Нет, не пейзаж влечёт меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия [1, с. 101].

Гармония природной жизни всегда рождает в душе лирического героя ощущение счастья:

Вон радуга... Весело жить

И весело думать о небе,
О солнце, о зреющем хлебе
И счастьем простым дорожить:
С открытой бродить головой,
Глядеть, как рассыпали дети
В беседке песок золотой...
Иного нет счастья на свете [1, с.83].

Мотив счастья во многих ранних стихотворениях Бунина трансформируется в идею счастья. Так, лирический герой стихотворения «Вечер», размышляя, пытается понять, что же такое счастье. Оказывается, люди не замечают счастья, они или мечтают о нем, или ищут его в воспоминаниях. Но лирический герой делает открытие, что «счастье – всюду»: в красоте осеннего сада, в бездонном небе с сияющим белым облаком, в пении птиц. Ощущение красоты и гармонии окружающей природы приводит лирического героя к осознанию того, что люди слишком мало видят и знают, «а счастье только знающим дано», что счастье – в душе человека: «Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне» [1, с.247].

«Характерной чертой многих стихотворений пантеистической лирики Бунина является мотив восхищения Божественной красотой и гармонией природы» [3, с.36], [5], поэтому строки стихотворений Бунина порой звучат, подобно песнопениям, как, например, завершающая часть стихотворения «В костеле», в которой звучит обращение к Богу:

Дивен мир твой! Расцветает
Он, тобой согрет,
В небесах твоих сияет
Солнца вечный свет,
Гимн природы животворный
Льется к небесам...
В ней твой храм нерукотворный,
Твой великий храм! [1, с. 52].

Чувство тоски по счастью, гармонии и единству с природой – характерный мотив пейзажной лирики Бунина, развивающийся и в лирике 1900-х годов. Так, лирический герой стихотворения «Детство» испытывает счастье от воспоминания о детской открытости природе. Он глубоко привязан к природе, наполняющей его счастьем. Стихотворение в мельчайших деталях передает красоту природы. Она вся пронизана мощью и величием. Лирический герой Бунина трепетно относится к каждому проявлению природы. Он все замечает, все запоминает, все сохраняет в сердце. Каждый, даже мимолетный ее образ полон для него непреходящего смысла. Стихотворение пронизано мотивами тепла, света, радости, ощущения родства с прекрасной природой. Солнечный свет словно смешался со смоляным ароматом и приобрел его запах:

...И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света [1, с.177].

Но пейзаж, который показывает нам Бунин – это еще и картина его души. Тесное общение с природой, понимание ее жизни делает человека молодым и счастливым.

В пейзажной лирике Бунин стремился запечатлеть красочное природное бытие во всем его полноте и многообразии. Отсюда в поэзии Бунина обилие эпитетов, олицетворений, метафор, максимальная насыщенность образной детали.

Список литературы

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т.1.– М.: Художественная литература, 1987.
2. Ковалева Т.Н. Моделирующая функция начала романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (опыт семиотического исследования художественного времени-пространства) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2002. №1. – С.54-55.
3. Ковалева Т.Н. «Все Тобой сотворено...»: пантеистическая лирика И.А. Бунина // Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – с. 35-39.
4. Ковалева Т.Н. Типы художественного времени и их роль в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 14. 2016. – с. 354-376.

5. Пространство океана (моря) и его знаковый потенциал в рассказе И.А. Бунина «Сны Чанга» // Перспективы развития современных гуманитарных наук Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 15-18.

СЕКЦИЯ №11.

**ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)**

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

СЕКЦИЯ №13.

**ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)**

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15.

ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТЕЙ В. ТОКАРЕВОЙ

Голайденко Л.Н., Ханнанова Э.Ю.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа

Изучение современной «женской» прозы является сегодня одним из наиболее популярных направлений в литературоведении и языкознании, потому что феномен «женского» романа многосложный и возможны различные подходы к его интерпретации [1, с. 39].

Оформление «женской» прозы в отдельное литературное направление произошло в конце XX века. Явление «женской» прозы исследуется филологами, историками и даже социологами, в работах которых рассматривается ряд вопросов, связанных со спецификой автора-женщины: существует ли особенная женская эстетика, особенный женский язык, собственно женская манера письма. Всеми учеными безоговорочно отмечается то, что в «женской» прозе находят отражение те же самые процессы, что и в «не женской» литературе, однако неповторимое очарование и индивидуальность у данного литературного направления все-таки присутствует.

Сегодня очень важно изучать язык современной «женской» прозы: все ключевые тенденции в различных областях жизни маркируются прежде всего художественной литературой. Анализ же речевых особенностей произведений В. Токаревой позволяет говорить об уникальности «женской» прозы, которая поднимает проблемы, волнующие современных представительниц прекрасного пола.

В данной статье мы рассмотрим речевые черты повестей В. Токаревой «Дерево на крыше», «Птица счастья», «Старая собака», так как считаем ее произведения очень интересными в плане исследования

речевой специфики современной прозы в целом и «женской» в частности. Каждая повесть, выбранная нами для соответствующего анализа, отличается неповторимой индивидуальностью.

Произведение «Дерево на крыше» автобиографично. Этот факт сразу становится очевидным: писательница использует такие комбинации тропов, которые носят глубоко личностный отпечаток и надолго остаются в читательской памяти. Именно в этой повести часто можно встретить сочетание двух тропов – метафоры и сравнения. Например: *Ее судьба буксовала, как застрявшая машина; Это слово смотрелось как матерное, поскольку похабило и убивало многомесячный труд; Потому что всякие узы превращаются в путы, и приходится скакать по жизни, как стреноженный конь.*

В «Птице счастья» велика роль цитатного фонда, причем источники цитат разнообразны: песенная культура (заглавие – лейтмотив всего произведения: «Птица счастья» – песня А. Пахмутовой и Н. Добронравова; песня Б. Гребенщикова «Под небом голубым», русские народные песни), поэзия Серебряного века (стихотворение С. Есенина «Письмо к женщине»), произведения зарубежной литературы (английская народная скороговорка в переводе С. Маршака «Дом, который построил Джек», книга воспоминаний Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой») и др.

В повести «Старая собака» наиболее явно представлена ирония, которая с самого начала произведения направлена на образ главной героини: *Инна Сорокина приехала в санаторий не затем, чтобы лечиться, а чтобы найти себе мужа. Санаторий был закрытого типа, для высокопоставленных людей, там вполне мог найтись для неё высокопоставленный муж. Единственное условие, которое она для себя оговорила, – не старше восьмидесяти двух лет.*

Сразу заметим, что в плане авторской речевой манеры повести В. Токаревой воспринимаются как простые и функциональные. Такой язык может и не вызывать одобрения у части критиков, но это стилистическая данность, имеющая в русской литературе давнюю и уважаемую традицию. Писательница по-женски фиксирует внимание читателей на отдельных деталях, штрихах, лишь потом подводит к общему восприятию образа. В. Токаревой присуще удивительное проникновение во внутренний мир героев разных поколений, социальных групп, эмоциональных типажей, обусловленное трепетным отношением автора к своим персонажам – и большим, и маленьким.

В целом можно наблюдать некоторую сдержанность писательницы в использовании различных тропов и фигур речи. Экономия речевых средств – следствие некой «бедности» стиля В. Токаревой, а скорее, показатель его емкости, богатства подтекстовой информации, правдивости, максимальной ориентированности на чувства и мысли читателей. В токаревских героях мы узнаем самих себя, в их жизненных коллизиях видим собственные бытовые перипетии, в речи слышим свой голос. Именно поэтому язык произведений писательницы стилистически можно отнести к разговорному, что делает ее прозу близкой современному читателю.

Вместе с тем В. Токарева в своих повестях использует богатый с функционально-стилевой точки зрения речевой материал. Элементы каждого функционального стиля современного русского языка в прозе писательницы приобретают совершенно новые художественные смыслы, отражая художественно-эстетическую установку и задачи автора. Также «важным моментом является постоянное присутствие сквозных слов, разных вариантов выражения одной и той же мысли, даже цитирование одного источника на протяжении всего повествования, что позволяет читателю уловить содержательные лейтмотивы» того или иного произведения В. Токаревой [4, с. 186].

Рассмотрим речевые особенности повестей писательницы в соответствии с уровнями языковой системы.

Фонетическое оформление текстов В. Токаревой характеризуется разнообразием приемов звукописи, частотной восклицательной и вопросительной интонацией. Это объясняется обилием диалогов, для которых такая интонационная многоплановость оправдана. Автор также использует прием имитации речи персонажей, говорящих с акцентом. Например: *Как говорил один иностранец: «Ты немножко тольская, стрёмительная, и у тебя очень красивые глаза...».*

Словообразовательный уровень повестей представлен разговорными и сленговыми морфемами, которые достоверно экранируют живую, непринужденную речь героев: *в уголочке, маменькин, эпизодики* и т.д.

К лексическим особенностям произведений В. Токаревой можно отнести активное употребление библеизмов (*наслаждаться плодами трудов своих, запретный плод сладок*), фразеологизмов (*взяла ослабевшего режиссера за шкуру, разорять гнездо, вошла в сознание*), клишированных оборотов (*не*

проявлял инициативы), эмоционально-оценочной лексики (*шалашовка, скандалила, драный халат, выпуталась*).

С морфологической точки зрения в повестях писательницы преобладают конкретные и абстрактные существительные, качественные и относительные прилагательные и глаголы, довольно традиционные для современного авторского стиля: *дверь, норка, размышление; положительный, порядочный, стеклянный; прилетела, посмотрела, купила, вступила, откладывала* и т.д.

На синтаксическом уровне частотны односоставные и двусоставные неполные, сложносочиненные и сложные бессоюзные предложения, которые строятся по принципу параллелизма и тяготеют к разговорной речи. Например: *Он куда-то уходил на работу, откуда-то возвращался, с той же работы. Но что он там делал, Вера не знала. Да и никто не знал. Не интересовались. Общественность бесила ситуация: ад пропастью. Или перепрыгни, или отойди от края. Но не качайся на краю. Ничего не разрешают. То нельзя. Это нельзя; Можно будет вступить в жилищный кооператив. Въехать в свою квартиру и тогда уже забрать Надьку.*

Обращает на себя внимание обилие вставных конструкций уточняющей и эмоционально-оценочной семантики, помещенных автором в скобки, что типично для пунктуации современной художественной прозы: *Вера собрала узелок (чемодана у нее не было) и отправилась в город Ленинград; Лена брала телефон, скрывалась в своей комнате, и они «трындели» (выражение бабы Поли) до глубокой ночи; Вера учила роль, входила в образ, подсознательно ждала Раскольниковца с топором и буквально сошла с ума. (Не старуха, а Вера.); Лена оказалась у себя в номере. Одна. (Слава тебе, Господи.); Марго оказалась права: Иван повзрослел, набрался никому не нужного опыта (маршировать и ползать по пересеченной местности).*

Стилистика повестей В. Токаревой характеризуется использованием таких тропов, которые способствуют достижению краткости образного выражения авторской позиции. Это эпитеты, метафоры, метонимии, сравнения, перифразы. Данные тропы выступают носителями подтекстовой (имплицитной) информации и позволяют писательнице делать масштабные жизненные обобщения. Например: *Тянула ляжку хозяйства, как бурлак баржу; В стране вспухали и лопались денежные пирамиды, как пузыри в лужах; Зачем ей эта тошнотворная Алиса? Надькин путь – самый невинный; Адам остановился, вбирая глазами небо и землю, испытывая гордый человеческий настрой души, какого он не испытывал никогда прежде; Надька оставалась одна, знакомилась с Америкой; Норка стала как спецодежда; Вокруг дома отдыха шла тропа, которую Инна называла «гипертонический круг»; Веру в последней степени дистрофии переправили по Ладожскому озеру, как тогда говорили Дороге жизни.*

Довольно частотны разговорные обороты речи: *поезд уходит; выглядят на свое; не морочили голову; под названием «помоталка»* и др.

Добавим, что любое произведение В. Токаревой можно рассмотреть в аспекте «горького оптимизма» [2, с. 130], связанного с проблемами эмансипации женщины, человеческого одиночества и непорядочности. Отсюда мастерское использование приема иронии [3], демонстрирующего отменное чувство юмора писательницы: ироничный взгляд на происходящее вокруг – спасительное «лекарство» от грусти и отчаяния. Удачно найденный автором «горький оптимизм» является эффективным художественным приемом, благодаря которому В. Токарева хирургически точно вскрывает наиболее болезненные социальные проблемы в жизни современной женщины.

К тому же прием иронии создает в токаревских текстах ощущение доверительной беседы: как будто автор рассказывает о чем-то близком и понятном, постоянно вставляя какие-нибудь уточняющие детали и напоминая этим художественную манеру А.П. Чехова. Например: *Инне шел тридцать второй год. Это не много и не мало, смотря с какой стороны смотреть. Например, помереть – рано, а вступать в комсомол – поздно. А выходить замуж – последний вагон. Поезд уходит. Вот уже мимо плывет последний вагон.*

Итак, выявленные нами речевые особенности повестей В. Токаревой составляют идиостиль писательницы, тяготеющий к вербализации посредством разноуровневых языковых единиц мотива «горького оптимизма». Доминируют в произведениях В. Токаревой лексические и синтаксические средства художественной изобразительности и выразительности, используемые в комплексе с не менее яркими фонетическими, словообразовательными и морфологическими средствами, что свидетельствует о богатстве авторских речевых потенциалов, индивидуализации способов и приемов их эстетической реализации.

Список литературы

1. Абашеева М.П., Воробьева Н.В. Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков. – Пермь, 2007. – 220 с.
2. Любимова Н.П. Жанровое своеобразие прозы Виктории Токаревой // Жанровое своеобразие русской и зарубежной литературы XVIII–XX веков: Сборник научных статей. – Самара, 2002. – 390 с.
3. Третьякова Е.Ю. Ирония в структуре художественного текста у В. Токаревой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa>.
4. Чаплл Р. Плоды ее пера: Эссе по современной российской женской культуре: Работа Виктории Токаревой в период гласности. – М., 1993. – С. 185–203.

ГЛАГОЛЫ *ВСПОМНИТЬ* И *ПОМНИТЬ* КАК ЧАСТОТНЫЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ СЕМАНТИКИ ВОСПОМИНАНИЯ В ПОЭЗИИ А. БЕЛОГО

Куптараева Э.В.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

Символизм – направление, для которого характерно выражение посредством символов идей и представлений, постижение истинного смысла слова, передача скрытого содержания. Поэзия символистов отличается особой звучностью, изысканной образностью и эмоциональностью.

Наиболее ярким представителем этого направления является Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) – русский писатель, поэт. Его эстетическое мировидение отличается предельной сосредоточенностью на противоречивых образах, доминированием духовного мира над материальным, недосказанностью и глубоким подтекстом. Произведения поэта трагичны, так как передают дух современной ему тяжелой эпохи, предчувствие катастрофы и отдельной личности, и целого мира.

Поэтическая речь А. Белого в качестве исследуемого материала выбрана нами неслучайно: тема воспоминаний, возвращения к прошлому вызывает несомненный интерес, поскольку составляет смысловую доминанту творчества этого символиста. Поэт обозначает в своих произведениях несколько главных мотивов, к которым постоянно обращается через определенное время, поэтому в стихотворениях А. Белого неразрывно соединяется мир прошлого и мир будущего.

Уникальная стилистика, создание образов, которые вызывают в сознании читателя многоплановые воспоминания и становятся базой для возникновения новых идей, богатство неоднозначных символов являются мощным мотивом к изучению лексических средств выражения семантики представления в текстах поэта.

Под представлением понимается «уникальная промежуточная / синкретичная когнитивная категория, осуществляющая переход от собственно чувственных форм отражения действительности (ощущения, восприятия) к абстрактным (понятию); её механизм – воспроизведение в памяти / конструирование в воображении чувственно-наглядных образов на основе переработки прошлого опыта человека – ощущений и восприятий; форма её проявления в сознании – чувственно-наглядный образ воспоминания / воображения» (Л.Н. Голайденко) [8, с. 66].

Семантика представления как лингвистический феномен, отражающий специфику соответствующей когнитивной категории, объединяет семантику воспоминания и семантику воображения [5].

У А. Белого преобладает лексика с семантикой воображения [9, с. 169], однако взаимопроникаемость прошлого и будущего актуализирует значимость в его поэзии лексики со значением воспоминания, которая используется в 79 стихотворениях поэта [1].

Мы обнаружили 14 лексем (43 словоупотребления) с семантикой воспоминания [6]. Наиболее частотными являются слова *вспомнить* / *вспоминать* (14 словоупотреблений) и *помнить* (11 словоупотреблений).

Рассмотрим подробнее особенности функционирования этих глаголов в поэзии А. Белого.

Глагол *вспомнить* передает семантику собственно воспоминания, подчеркивая один из механизмов памяти, ее активную деятельность [7].

Обратимся к лексикографическому толкованию многозначного слова *вспомнить*: “1. Возобновить в памяти, возвратиться мыслью к прошлому. 2. Внезапно вернуться мыслью к забытому, упущенному” [10, с. 109]. Заметим, что данный глагол употребляется только в первом значении:

Или вспомнила вновь / ты весенние дни, / молодую любовь, / заревые огни? (Осень).

Семантика воспоминания реализуется не только посредством лексического значения слова, но и формой прошедшего времени глагола, которая устанавливает взаимодействие действительности и ее отражения в человеческом сознании в виде чувственно-наглядных образов воспоминания, актуализирует их в памяти индивида: представление одной из форм «своего существования – воспоминанием – обращено к прошлому» [4, с. 69]:

О, этот крик из бездн, всегда родимый. / О друг, молчи, не говори со мною!.. / Я вспомнил вновь завет ненарушимый, / волной омыт воздушно-голубою... (Старинный друг).

В обоих примерах семантика воспоминания поддерживается с помощью слова *вновь* – “Снова, еще раз” [10, с. 92]. Использование данного наречия дает автору возможность подчеркнуть неоднократность, повторяемость воспоминаний, к которым лирические герои будут возвращаться снова и снова. Эти воспоминания живы, они всегда вместе с героями и являются частью их жизни.

Довольно часто в поэзии А. Белого глагол *вспомнить* употребляется в форме повелительного наклонения. Например:

*Едва / Она / Сломала / Высокий стебелек, – / “О, Королева, / **Вспомни**”, – / Пролетел цветок* (Шут);

*Здравствуй, брат. За око – око! / **Вспомни**: кровь за кровь. / Мы – одни. Жилье далеко... / Эй, не прекословь!* (Убийство).

Употребление такой глагольной формы акцентирует внимание читателя на наиболее значимых, ценных воспоминаниях героев, императивы побуждают их окунуться в прошлое.

В первом примере автор обращается к лироэпическому жанру – балладе. Фантастический характер произведения позволяет объектам живой и неживой природы (цветы, ветер, воды, луг) призывать Королеву вернуться к забытому прошлому. Объект не вербализован: нет даже словесного намека на него. Возникает художественная недосказанность, создается глубокий подтекст: А. Белый сознательно скрывает объект воспоминания, предоставляя читателю возможность самостоятельно восстановить ситуацию или сконструировать возможное прошлое Королевы.

Баллада относится к стихотворному циклу «Королева и рыцари (сказки)», поэтому мы можем предположить, что скрывается под объектом воспоминания. Поэтическое произведение вызывает множество ассоциаций субъективного характера. Образ Королевы соотносится с образами Вечной Женственности, Души Мира, космической Софии. Жизнь героини напоминает вечный сон, который пытаются развеять все силы природы. Единственный свидетель происходящего – седой горбатый шут – отмеряет докучный бег минут, нескончаемый и монотонный, как и обыденная жизнь Королевы в замке, обрекая героиню на безрадостное существование. Природа, символизируя Вечность, пытается напомнить Королеве о самом важном: есть другой мир, неземной, где она встретится со своими родителями, вспомнит прошлое.

Мы не исключаем и другую интерпретацию данного стихотворения.

Во втором примере представлены строки из стихотворения, которое отражает трагические перипетии неразделенной любви лирического героя. Адресатом императива является соперник лирического героя, возвращавшийся от любимой женщины. Отвергнутый ею, купец пытается оправдаться перед своим врагом за намерение убить его, используя в своем обращении ставшее крылатым ветхозаветное выражение *кровь за кровь* – “Мсть убийством за убийство” [11], тем самым напоминая о кипящей страсти и неизбывной сердечной обиде.

В следующем поэтическом фрагменте семантика воспоминания реализуется с помощью глагола *помнить*, который в русском языке относится к лексике памяти [7]:

*Ты **помнишь**? Твой покойный дядя, / Из дали безвременной глядя, / Вставал в метели снеговой / В огромной шапке меховой, / Пророка светопреставленья...* (Сергею Соловьеву).

Глагол *помнишь* используется автором в форме изъявительного наклонения, однако подразумевается побуждение к действию: автор призывает С. Соловьева вспомнить минувшее. Поэт задает риторический вопрос, ответ на который предполагает возникновение воспоминания о том, как известный религиозный мыслитель прошлого века Владимир Соловьев предрекает *светопреставленья* – “Конец мира, гибель всего существующего” [10, с. 702], что соответствует христианскому вероучению.

В некоторых контекстах наблюдается синкретизм грамматической семантики, то есть глагол *помнишь* сочетает в себе и побуждение, и утверждение:

Ты помнишь: над метою звездной / Из хаоса клонился ты, / И над стенающею бездной / Стоял в вуалях темноты (Маг).

Необходимо подчеркнуть, что запомнившийся объект представляет собой образ целой ситуации, иногда он вербализуется, но не расшифровывается:

Помним всё. Он молчал, / просиявший, прекрасный. / За столом хохотал / кто-то толстый и красный (Безумец).

Данный пример содержит подтекст: поэт не конкретизирует картину воспоминаний, а обобщает их с помощью определительного местоимения *всё*. Оно указывает на что-то очень важное и ценное, о чем лирический герой хотел бы умолчать, поскольку адресант и так понимает, что имеется в виду.

Вместе с тем у А. Белого часто встречаются тексты, в которых детально описывается вспоминаемое:

Ты улыбалась, любя, / помня о нашей весне / Благословляя тебя, / был я весь день как во сне (Ясновидение);

Помню: перламутровые травы, / Купол ясноглавый, величавый, / Розовые воздушы Эльзаса, / Пушечные взрывы... из Эльзаса (Карлу Бауэру);

Я помню: поймали, прогнали – / Вдоль улиц, прогнали на суд. / Босые мальчишки кричали: / “Ведут – арестанта: ведут” (Бегство).

События, образы, которые возникают в памяти лирического героя, являются объектом прошлого, однако для более глубокого восприятия художественной действительности в данных поэтических фрагментах автор использует глагол в форме настоящего времени несовершенного вида. Между читателем и автором зарождается диалог, во время которого оживают картины прошлого, но воспринимаются они как факт настоящего, происходящего «здесь и сейчас».

Конкретизируемый объект представляет собой комплексный образ (ситуацию), целый этап жизни, который подвергается переосмыслению. Видовременная форма глагола *помнить* в приведенных примерах акцентирует внимание на постоянности процесса запоминания.

Значение глагола *помнить* – “Сохранять, удерживать в памяти, не забывать” [10, с. 559] – «высвечивает» непрерывную фиксацию образов восприятия в памяти человека. *Помнить* – «первый шаг» к обновлению воспоминаний, к активизации памяти, что передается в русском языке с помощью лексемы *вспомнить*.

Глаголы со значением воспоминания в поэтической речи А. Белого довольно часто формируют повторы [2, с. 22–33], в которых обычно используются одни и те же грамматические формы:

Старинный друг, моя судьбина – / Сгореть на медленном огне... / На стогнах шумного Берлина / Ты вспомни, вспомни обо мне (Э.К. Метнеру).

Благодаря повтору «возникает эффект восходящей градации, когда наиболее значимой в смысловом отношении становится информация, заданная последним употреблением глагола» [2, с. 24], который оказывается в сильной эмоциональной позиции. В данном примере нарастает желание героя побудить своего друга вспомнить о нем.

В следующем стихотворном фрагменте лексический повтор усиливается анафорой:

Декабрь... / Сугробы на дворе... / Я помню вас и ваши речи; / Я помню в снежном серебре / Стыдливо дрогнувшие плечи (Воспоминание).

Единое начало строк, частичный синтаксический параллелизм – все подчиняется авторскому замыслу сопоставить внешний облик и внутреннее состояние героини: замужней женщине неловко ощущать на себе взгляды другого мужчины.

Большой интерес вызывает стихотворение А. Белого «Арестанты», поскольку в данном произведении воспоминания героя оживляются, перед нами возникает череда событий из его жизни:

Много, брат, перенесли / На веку с тобою бурь мы. / Помнишь, / в город нас свезли / Под конвоем / Гнали в тюрьмы;

Заковали ноги нам – / В цепи. / Вспоминали по утрам / Степи;

Здесь, на воле, меж степей, / Вспомним душиные палаты, / Неумолчный лязг цепей – / Наши серые / Халаты (Арестанты).

В первом отрывке автором используется контактоустанавливающее слово *помнишь*, возникающее на базе глагола в форме 2 лица единственного числа изъявительного наклонения. Ориентированное на адресата, это вводно-контактное слово совмещает «частные значения акцентирования и побуждения, а

форма изъявительного наклонения употребляется в переносном значении – в значении повелительного наклонения» [3, с. 33]

Переносное употребление формы наклонения способствует, на наш взгляд, «появлению ещё одного смыслового аспекта высказывания – семы “Совместность представления”»: “Я помню, и ты помнишь – давай будем вспоминать вдвоем”. Контактостанавливающее слово *помнишь* «выступает в качестве знака непрямого <...>, мягкого приглашения адресантом адресата к воспоминанию сообщаемого» [3, с. 33].

Герой стремится установить связь с собеседником, таким же арестантом, побудить его вспомнить, какие трудности им пришлось вместе пережить. Обращение к собрату происходит в настоящем, но отправляет героев к воспоминаниям. Перед глазами встают картины прошлого: как арестантов везли в город – в тюрьму.

На это указывает и форма прошедшего времени глагола *вспоминали* во втором фрагменте. Здесь объектом воспоминания является степь – символ свободы. Это воспоминание становится для героев произведения спасением и надеждой, основой конструирования возможного будущего. Лирическому герою представляется, как он на свободе будет вспоминать свое тюремное заключение – об этом мы узнаем в третьем отрывке благодаря употреблению глагола в форме будущего времени *вспомним*.

В приведенном примере, рассматриваемом целостно, автор намеренно использует разные видовременные формы глаголов: первый – *вспоминали* – подчеркивает длительность, повторяемость воспоминаний-мечтаний о воле; второй – *вспомним* – позволяет обозначить кратковременность воспоминаний о том, о чем героям и вовсе не хотелось бы вспоминать.

В поэтических произведениях А. Белого сложно уловить тонкую грань между воспоминанием – воспроизведением прошлого опыта – и, как это ни парадоксально, воспоминанием-мечтой о возможном будущем. Например:

Весна. / На кресле протертом из ситца / старушка глядит из окна. / Ей молодость снится. / Всё помнит себя молодой – / как цветиком ясным, лилейным / гуляла весной / вся в белом, в кисейном (Воспоминание).

В этом сне-воспоминании героиня возвращается к своему прошлому. Воспоминания в данном контексте – повторяющееся явление, потому что они всегда будут жить в подсознании героини, в них отражается взаимодействие двух временных планов: прошлое и настоящее постоянно проникают друг в друга благодаря сну пожилой женщины и пробуждению от него.

Непроизвольный характер сна позволяет сделать предположение о том, что образы, возникающие в памяти героини, благодаря ее фантазийному мышлению аккумулируются в воображаемом будущем, поскольку человек на подсознательном уровне мышления порой помимо воли оказывается в мире грез.

Как видим, взаимосвязь и «взаимоперетекание» прошлого, настоящего и будущего подтверждается одновременным функционированием лексики с семантикой воспоминания и воображения (*снится → помнит*).

Таким образом, активное функционирование глаголов со значением воспоминания в поэтических текстах А. Белого объясняется тем, что для носителей русского языка характерно обращение к образам памяти, возникающим в человеческом сознании. Данные глаголы, взаимодействуя со словами со значением воображения, образуют целостное «временное» ядро, объединяющее прошлое, настоящее и будущее, позволяют раскрыть внутренний мир героев, передать их чувства и мысли, усиливают эмоциональный фон произведений.

Семантика воспоминания передается не только на лексическом уровне, но и посредством таких грамматических категорий глагола, как вид, время, наклонение, благодаря которым возникают дополнительные смысловые оттенки, раскрывается художественно-эстетическое содержание текста.

Использование А. Белым глаголов со значением воспоминания, с одной стороны, подчеркивает живой характер, активную деятельность памяти персонажей, с другой, – триединство временных планов, возможность их взаимопроникновения.

Список литературы

1. Белый А. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Терра – Книжный клуб, 2005.
2. Голайденко Л.Н. Глаголы и девербативы с семантикой представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 286 с.
3. Голайденко Л.Н. Глаголы со значением воспоминания / воображения в функции вводно-

- контактных слов (на материале художественной прозы) // О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Челябинск, 6 июля 2015 г.). Вып. 2. – Челябинск: ИЦРОН, 2015. – С. 31–37.
4. Голайденко Л.Н. Категория времени глагола как грамматическое средство выражения семантики представления в художественной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11 (53): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 67–75.
5. Голайденко Л.Н. Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск: ТГПУ, 2013. – № 3 (131). – С. 140–145.
6. Голайденко Л.Н. Лексика со значением представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 142 с.
7. Голайденко Л.Н. Лексико-семантическое поле представления в современном русском языке: ядро, лексико-семантический класс воспоминания и периферия (на материале художественной прозы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10 (52): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 64–71.
8. Голайденко Л.Н., Куптараева Э.В. Дефиниция «представление/я» в философских, психологических и лингвистических словарях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 6 (60). Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 62–69.
9. Куптараева Э.В. Лексика со значением представления в поэзии Андрея Белого (на примере субстантива сон) // Ученые записки Орловского государственного университета. – Орел: ОГУ, 2016. – № 4 (73). – С. 168–173.
10. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
11. Фразеологический словарь русского литературного языка: Ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель, АСТ., 2008. – 878 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: enc-dic.com/rusphrase/Krov-za-krov-9443.html (дата обращения 22.03.2017).

АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Морозова Т. В.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Язык с неоспоримостью можно назвать средой обитания человека: носители языка постоянно взаимодействуют друг с другом в ходе вербальной коммуникации, они «погружены» в языковую среду даже в те моменты, когда не осуществляют процесс говорения или же слушания. Лингвистическая экология изучает «состояние языка и языковой среды», «факторы, влияющие (позитивно или негативно) на развитие языка и речевой культуры», «пути и способы защиты языка от негативных влияний». Необходимо отметить, что закономерным этапом развития эколлингвистики является изучение отношений между человеком и его окружающим миром, который, неоспоримо, оказывает на него огромное влияние. Объектом лингвоэкологии является, прежде всего, язык. Он рассматривается как жертва всех воздействий, как негативных, так и позитивных. Вторым объектом лингвоэкологии является сама окружающая среда, которую необходимо сохранять и спасать. Главной задачей этой науки является забота о языковой среде. Сама наука возникла в XX веке на пересечении лингвистики как науки о языке, экологии как науки о сохранении природы и валеологии как науки о сохранении здоровья человека.

В центре данной исследовательской статьи – экологические тексты, которые имеют особое значение в современных речевых практиках. Экологичным называют текст, который потенциально не вредит человеку, не оказывает деструктивное воздействие на его психическую и социальную сферу. Благодаря современным исследованиям, следует сказать, что экологичным является текст, в котором соблюдены языковые, коммуникативные, дискурсивные и этические нормы.

Рассматривая адаптацию текста, следует сказать о его направленности на снижение неэкологичности с точки зрения того или иного адресата. При адаптации текста необходимо учитывать определённые постулаты речевого общения. Коммуникативные качества речи определяют успешность

вербальной коммуникации. На основе данных постулатов составлены правила, которые действуют при порождении и функционировании текста и включают в себя также постулаты возможности, содержательности и структуры [3, с. 562].

Адресат всегда признавался как важным компонентом коммуникации между людьми. Зачастую тексты адаптируются для детей, а специальные тексты - для неспециалистов (для примера можно взять адаптация текстов законов для людей, не являющихся профессиональными юристами, так как «незнание законов не освобождает от ответственности»). Чаще всего встречается лингвоэтническая адаптация, которая направлена на облегчение восприятия культурных реалий и языковых явлений носителями иной лингвокультуры. Информативность и понятность являются основными характеристиками адаптированного текста. Однако если рассматривать адаптацию текста в лингвоэкологическом аспекте, мало учитывать только вышеперечисленные качества. Немаловажную роль играют и другие параметры, которые можно соотнести с постулатами порождения текста.

Исследуя нынешнюю ситуацию, неэкологичная текстовая коммуникация является одной из самых распространённых и даже имеет востребованность в некоторых видах человеческой деятельности (к примеру, достаточно взять некоторые виды документов, в которых преднамеренно содержится такой текст, который не позволяет адресату прочитать значимые детали). Исследование подобных речевых явлений позволяет расширить представление об адаптации текста как инструменте лингвоэкологических процессов.

Можно определить параметры письменного текста, которые должны быть учтены при анализе его лингвоэкологических качеств и (при необходимости) в процессе его адаптации к коммуникативному уровню адресата.

Первой характеристикой текста, благодаря которой воспроизводится незатрудненное восприятие его читателем, является его ясность или же доступность. Таким образом, автор адаптируемого текста должен учитывать объём речевых возможностей читателя, чтобы текст был читабелен. Средства, которые делают текст неясным, можно назвать следующие: термины, устаревшие слова, варваризмы, жаргонизмы и др. Сложные синтаксические конструкции также затрудняют либо исключают какое-либо понимание текста. В результате наблюдений можно выделить следующие принципы правильного построения адаптированных текстов. Среди них следует выделить те, которые направлены на устранение неясности:

а) связанные с лексикой:

советуется заменять незнакомые слова синонимами либо пояснять их уже знакомыми словами (для примера можно взять «зависимость» вместо слова «аддикция»), добавлять слова, помогающие объяснить смысл фраз или предложений и заменять слова ограниченной сферы употребления их литературными эквивалентами или пояснять их значение сразу же в тексте.

б) связанные с грамматикой:

советуется заменять устаревшие грамматические формы аналогами в современной морфологической норме литературного языка, восстанавливать прямой порядок слов в случае затрудненного понимания при инверсии, упрощать строение сложного предложения или же разделять распространённые предложения на несколько менее распространённых.

Необходимо заметить, что насыщенность синтаксиса и его сложность являются необязательными критериями адаптации текста. Такой текст считается ясным и доступным, если он используется в сфере, которая предполагает включение подобных языковых средств. То есть адресат в состоянии спокойно воспринимать речь адресанта благодаря уровню компетенции.

Второй характеристикой текста является точность. Точность заключается в использовании слов в полном соответствии с их значениями. «Характеристики -точная и - неточная - это инструмент оценки содержательного плана речи, а не ее формы» [2, с. 125]. Точность реализует, прежде всего, текстовый постулат. Использование эвфемизмов, которые помогают снизить отрицательную оценку в речи, способствуют снижению неэкологичности общения и является оправданным приемом адаптации текста.

Третьей характеристикой экологически чистого текста является его информативность и «плотность информации», которые характеризуют количество в нём новой для читателя информации. Следует отметить, что информативность совершенно отличается от информативной насыщенности текста. Н. С. Валгина рассматривала эти понятия и предложила разделить их следующим образом. Насыщенность представляет собой абсолютный показатель качества текста, его общее количество информации. Но информативность является относительным показателем, так как степень информативность зависит от самого читателя. [1, с. 231]. Информативность – то, о чем автор должен позаботиться прежде всего при создании адаптированного

варианта текста, учитывая различные характеристики адресата (возраст, пол, уровень образования, сфера профессиональной занятости и т.д.).

Новая информация в тексте должна обязательно подаваться в «нужных дозах», что зачастую является очень сложной задачей для автора. К этому критерию следует относиться с особой осторожностью, так как текст можно считать неэкологически чистым как информационно перегруженный, так и с «низкой плотностью» информации. «Низкая плотность» означает многократное повторение тезисов, содержащих новую информацию, их излишняя детализация, в результате чего у читателя создаётся впечатление, что его интеллектуальный уровень автором явно недооценивается.

Лаконизм — такое качество речи, под которым понимается «выражение идеи, замысла, заключающее в себе только необходимое для уяснения предмета» [3, с. 171].

Четвёртым качеством адаптированного текста является регулятивность, которая отражает способность регулировать адаптированный текст читательским восприятием (Болотнова Н. С.) Данное качество зависит от отбора языковых средств и способов организации текста, наиболее эффективных для предполагаемого читателя. Отбор языковых средств обеспечивает успешность и экологичность текстовой коммуникации. Познавательная деятельность осуществляется посредством письменного текста, который предполагает два подхода: отражение авторского взгляда на информацию, предоставленную в тексте, и эмоционально - оценочную реакцию читателя. Адаптация текста способствует максимальному сближению этих двух подходов.

Пятым качеством текста, которое необходимо рассмотреть, - уместность речи. Данное качество позволяет регулировать использование других качеств текста в определённой коммуникативной ситуации. В соответствии с данным качеством, содержание и структура текста должны соответствовать условиям и задачам общения, его жанру и стилю, индивидуальным особенностям автора и адресата. Несоблюдение одного из перечисленных качеств является признаком неэкологической коммуникации.

Экологически нечистым можно назвать произведение, в котором происходит несоответствие его содержания и средств, которые в нём используются. Такое используется, когда в текстах используется тема, имеющая особую культурную ценность, а для её реализации автор используют средства, характерные для нелитературных форм или же обладающие несоответствующей оценочной семантикой. Для примера можно взять произведение «Горе от ума» Грибоедова. В данной комедии полковник Скалозуб довольно неуместно шутит на тему смерти:

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты:
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.
(Грибоедов. Горе от ума)

Однако Б.Н. Головин считал напротив: «.. нельзя обойтись одним и тем же набором языковых средств, создавая лирическое стихотворение и роман в прозе».

Рассматривая все вышеперечисленные параметры адаптированного текста, нельзя сказать, что все они строго систематизированы и окончательны. Набор данных качеств помогает определить аспекты экологичности адаптированного текста, который в дальнейшем требует детальной разработки.

В случае коммуникативной практики использование текстовой адаптации текста является весьма актуальной, так как адаптация текста - средство реализации терапевтической функции языка в коммуникации с помощью письменного текста.

Список литературы

1. Н. С. Валгина. Теория текста. - М.: Логос, 2003.
2. Б. Н. Головин. Как говорить правильно: заметки о культуре русской речи. - М.: Высшая школа, 1988.
3. Т. В. Матвеева. Полный словарь лингвистических терминов. - Ростов н/Д: Феникс, 2010.
4. О. Б. Сиротина. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию // Экология языка и коммуникативная практика. -2013.-№ 1.-с. 53-59.
5. Л. И. Скворцов. Культура языка и экология слова //Русская речь.-1998. № 4.с. 17-25.

ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УПОРЯДОЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

Сложеникина Ю.В., Звягинцев В.С.

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал, г. Самара

В вопросе упорядочения терминологии существуют две противоположные точки зрения. Связаны они с различным пониманием сущности термина как языкового знака. Хронологически первым был теоретический посыл Д.С.Лотте и его последователей - С.И.Коршунова, Г.Г. Самбуровой и др.

В 30-х г. Д.С. Лотте выработал общелингвистические и специальные подходы к упорядочению терминологии. Это такие критерии, как точность, краткость, однозначность, простота и понятность. Но главные из них - систематичность терминологии и независимость термина от контекста [Лотте 1931, с. 18-36, 72-79].

В 1968 г. Комитет научно-технической терминологии АН СССР, смягчив требования Д.С. Лотте к термину, подготовил руководство «Как работать над терминологией». В нем были выявлены следующие недостатки терминологии: многозначность, синонимия, несоответствие термина понятию, длиннота термина, избыточность иноязычных заимствований, отсутствие систематичности в построении термина [Как работать ... 1968, с. 8-12].

В 1979 г. вышло «Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии». Цель публикации - регламентировать специальную лексику. В пособии С.И.Коршуновым и Г.Г. Самбуровой были предложены «общие принципы, которые могут быть положены в основу правильного построения терминологических систем» [Краткое... 1979, с. 6].

Однако сами «общие» принципы «правильного» построения терминосистем оказались внутренне противоречивыми. Ю.В. Сложеникина обратила внимание на то, что, с одной стороны, «авторы говорят о неизбежной исторической изменчивости терминологии», с другой – утверждают, что «термины должны применяться в неизменном виде» [Сложеникина 2010, с. 93]. Таким образом, при работе с термином возникает антиномия: системе значений, которая носит принципиально изменчивый характер, должна соответствовать неизменяемая форма их выражения.

Кроме того, на пути построения «правильной» терминосистемы оказывается непреодолимое препятствие в виде основных недостатков самого специального слова. Речь идет прежде всего о многозначности внутриотраслевого термина. Полисемия терминов, с точки зрения авторов, связана с ограниченностью словарного материала и немотивированными иноязычными заимствованиями [Краткое... 1979, с. 6-7]. Синонимы объявляются «лишними» терминами, а во главу угла ставится принцип «экономичности системы терминов» [Краткое... 1979, с. 8].

Согласимся с Ю.В. Сложеникиной, которая считает «позицию составителей методического пособия консервативной и половинчатой: практический языковой материал предоставляет им реальные факты терминологического варьирования, но ученые уходят от признания и теоретического осмысления возможности специального знака выражать несколько понятий и, наоборот, одному понятию иметь несколько форм выражения» [Сложеникина 2010, с. 96]. На наш взгляд, терминосистемы – это часть единой знаковой системы – естественного языка. В силу этого в них заложен потенциал тех же тенденций языкового развития, что и в языке в целом. Поэтому не только так называемые термины речи (то есть специальные лексемы в научном контексте, в ситуации научного общения, прямого или косвенного) оказываются вариативными, но и термины языка (зафиксированные в специальных словарях) проявляют формальные или семантические видоизменения.

Не случайно в начале 70-х гг. XX в. появляются исследования, в которых гипотеза об изоморфном устройстве терминосистем подвергается критике. Так, в 1972 г. Б.Н. Головин полемически замечал, что системы требований, предъявляемые к терминам «в жизни науки не соблюдаются, а другие лишены смысла» [Головин 1971, 64].

В 70-е г. XX в. возобладала точка зрения В.П. Даниленко, который настаивал на том, что термин, будучи словом специальным, все равно обладает большей частью парадигматических и синтагматических свойств. Данные свойства способны реализоваться внутри терминологического поля, так и в более широкой

сфере общезыкового функционирования. По мысли ученого, «терминология находится в пределах общелитературного языка, но на правах самостоятельного “сектора”» [Даниленко 1971, с. 11].

В 1981 г. Л.А. Пекарская выявила явное несоответствие между принятыми требованиями, которым должен соответствовать термин, и актуальным положениям, принятым в современном терминоведении. Вместе с тем, несмотря на невыполнение устаревших требований, сами специальные слова успешно справлялись со своей основной задачей - «обслуживать соответствующие отрасли знания» [Пекарская 1981, 28].

В 1983 г. С.Е. Никитина отметила, что внутри смыслового поля у термина могут «меняться смыслы», если специальное слово употребляется в научной коммуникации и при этом сохраняется «необходимая мера понимания» [Цит. по Никитина 2010, с. 5]. В этом же году В.И. Сифоров и Т.Л. Канделаки предложили более современные подходы к упорядочению терминологии. По мысли ученых, прежде всего необходимо отказаться от постулирования идеи изоморфизма формальной и семантической систем понятий и терминов, поскольку нельзя ставить «знак равенства между планом содержания терминологии и соответствующей системой понятий. Система понятий богаче по числу элементов и глубже, чем то представление о ней, которое можно получить на основании анализа плана содержания соответствующей терминологии» [Сифоров 1983, с. 6]. Ученые приходят к выводу, что неупорядоченность терминологии носит временный характер.

На рубеже 80-е гг. XX в. в терминоведение было введено понятие «идеальный» термин. Это такое специальное слово, которое отвечает всем критериям нормативности. Исследования самых разных терминосистем, показали, что их элементы нельзя считать изолированными и полностью независимыми от общезыковой системы. По определению Н.Ю. Шведовой, специальные слова представляют собой «конечные или предконечные участки, ветви лексического древа современного русского языка» [Шведова 1999, с. 16].

Развивая мысль Н.Ю. Шведовой, Т.Р. Кияк пришел к выводу, о «преобладающем характере свойства термина по сравнению с общеупотребительным словом, а не о полном отсутствии той или иной особенности в пределах различаемых сфер языка». Поэтому термин «должен рассматриваться как полноправное слово, реализующее свойства языкового знака в сфере профессиональной коммуникации» [Кияк 2003, 94].

В.П. Даниленко и Л.И. Скворцов в 1981 г. предложили более гибкий подход к упорядочиванию терминологии. С их точки зрения, нормативные рекомендации должны предъявляться в рамках основной сферы использования терминов – «в языке науки, реализующемся в специальной литературе и в устном профессиональном общении специалистов той или иной области знания» [Даниленко 1981, с. 11]. Ученые настаивают на том, что «при унификации терминов требование однозначности соотношения понятия и термина должно быть твердым. Однако существующие дублиеты и варианты терминов нельзя игнорировать как справочный аппарат для стандартизации терминологии» [Даниленко 1981, с. 11]. Ученые считают, что бороться с фактами полисемии терминов бессмысленно, поскольку они могут употребляться в «широком» и «узком» значениях. Неправомерно упорядочивать грамматические варианты термина, унифицируя их под какой-то один инвариант. Также важно учитывать вариантность терминов в орфографии и в орфоэпии [Даниленко 1981, с. 11].

В 1986 г. вышла коллективная монография И.С. Квитко, В.М. Лейчика, Г.Г. Кабанцева «Терминоведческие проблемы редактирования». Авторы признали термин сложным языковым явлением, обладающим двуплановой сущностью: «с точки зрения содержания, такая лексическая единица обязательно должна соотноситься с понятием, причем в рамках определенной теории; с точки зрения формы - обладать цельюоформленностью» [Квитко, Лейчик, Кабанцев 1986, с. 35].

Однако специфика термина связана еще с несколькими принципиальными моментами. Специальное слово всегда одновременно принадлежит к определенному терминологическому полю и к лексической системе литературного языка. Кроме этого, термин ограничен в функционировании: используется прежде всего в узкой сфере профессионального общения. Именно там, по Ю.В. Сложеникиной, и формируются содержательные свойства термина, которые обуславливаются логико-понятийной научной системой. В то же время «специальный знак входит в лексико-семантическую систему языка и испытывает на себе воздействие ее закономерностей» [Сложеникина 2010, с. 104-105].

Таким образом, термин не что иное, как слово, объединяющее две важные составляющие: его экстралингвистическая сторона обращена к семантике, а лингвистическая призвана установить «соответствие плана содержания и плана выражения специального слова» [Сложеникина 2010, с. 105]. И.С.

Квитко, В.М. Лейчик, Г.Г. Кабанцев предложили и новый формальный критерий упорядочения терминологии. Это оптимальная длина термина. Так, в структуре термина, который выражает видовое понятие, должно содержаться не менее двух элементов. Один призван выражать родовое понятие, второй отвечает видовое отличие. Очевидно, критерий оптимальной длины не может являться абсолютным для всех терминосистем [Квитко 1986, с. 29]. В качестве основного критерия упорядочивания терминологии ученые предлагают «правильность его (термина - В.З.) образования и употребления в соответствии с нормами русского литературного языка», а не реализацию принципа изоморфизма, который в терминосистеме на практике отсутствует [Там же, с. 38].

В 1993 г. С.В. Гринев сформулировал основные требования к содержанию, форме и прагматике термина. С содержательной точки зрения, значение термина не должно противоречить его общезыковой семантике; в специальном поле одно терминологическое значение должно соответствовать одному языковому знаку (устному и/или письменному), это значит, что для терминов должны исключаться явления синонимии и многозначности; значение термина должно включать такое количество компонентов, которое было бы достаточным для распознавания специального слова и его отграничения от других сходных по семантике лексем; желательна мотивированность специальной лексики, то есть возможность предположить значение термина по составляющим его морфемам.

К форме термина также предъявляются определенные требования: терминопотребление должно соответствовать фонетическим, грамматическим, орфоэпическим нормам русского литературного языка; термин должен быть кратким; не одобряются фонетические, синтаксические и проч. варианты терминов; за пределами нормированной терминологической лексики остаются профессиональные жаргонизмы.

В грамматическом аспекте, термин должен иметь высокие словообразовательные возможности; должен отвечать требованию единообразия, то есть обнаруживать способность к образованию единиц одной тематической группы с помощью какого-либо аффикса.

В прагматическом плане должны удовлетворяться требования благозвучности, общепринятости в кругу специалистов, интернационализации специальных слов; не должно быть устаревших слов [Гринев 1993, с. 34-41].

На рубеже 90-х гг. XX - первого десятилетия XXI в. терминоведы окончательно признали наличие «самостоятельных тенденций в области терминообразования и терминопотребления... терминология здесь имеет большую независимость... Терминологические инновации проявляются в некотором расширении словообразовательной базы для образования терминов, в более широком использовании интернациональных элементов [Культура... 2001, с. 204]. В связи с закреплением в различных сферах деятельности самостоятельных тенденций терминообразования сектор культуры речи Института русского языка РАН предложил ввести понятие *профессиональной языковой нормы*. Более того, Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев выдвинули предположение, что «терминология в состоянии оказывать влияние на развитие норм общелитературного языка» [Там же]. Ученые сформулировали условия образования профессионального варианта нормы: «1) когда существуют варианты средства выражения одного и того же понятия или реалии; 2) когда появляются новые средства выражения понятий или реалий, типичные для языка профессиональных сфер употребления, но отсутствующие в общелитературном языке» [Там же, с. 205]. Эти разновидности могут быть отнесены к устной разновидности профессионального варианта нормы, а могут быть даже официально кодифицированы в специальных словарях. Исследователи приходят к выводу, что «в терминологии реализуются многие потенциальные возможности языка, не находящие выхода в общелитературном словообразовании. Так как терминология - это область, находящаяся на переднем крае науки и непосредственно испытывающая на себе влияние экстралингвистических факторов...» [Там же, с. 207].

Ю.В. Сложеникина увидела в термине «своеобразный коррелят некоторой ментальной операции, протекающей в сознании исследователя», поэтому термин «субъективен, и вместе с тем представляет собой универсальное языковое понятие, характеризующееся общими свойствами языкового знака» [Там же, с. 110]. Отказавшись от требования полного изоморфизма, терминовед предлагает свои принципы упорядочивания терминологии - критерии выбора терминологического варианта.

В основе требований Ю.В. Сложеникина считает возможным положить ориентацию на литературную норму. Однако сама норма «должна предполагать ее возможные варианты, быть разумной, подвижной и не претендующей на окончательность» [Там же, с. 157]. Часть профессиональных терминов-вариантов могут иметь статус нормированных единиц. Их кодификация обуславливается фиксацией в словарной статье отраслевых словарей. Но закрепление профессионального варианта определенной

терминосистемой должно, с одной стороны, учитывать мнения специалистов-практиков конкретной сферы деятельности, с другой - быть одобренной лингвистами-терминоведами [Сложеникина 2015, с. 470].

Другое важное требование к упорядочению терминологии - стремление к регулярности терминологической системы. Форма наименования и семантическая структура терминов связаны с парадигматическими отношениями между специальными словами терминосистемы. При образовании новых терминов «необходимо учитывать понятие словообразовательной регулярности, то есть соотношение лексического и словообразовательного значений мотивированных слов» [Сложеникина 2010, с. 160]. Термины-неологизмы должны быть ориентированы на модель специальных слов, уже зафиксированных в отраслевом словаре.

Предлагается учитывать при упорядочении терминологии и экстралингвистические факторы, например, стремление профессионалов-практиков к концептуализации информации. По мысли ученого, в языке науки «создаются так называемые ономаσιологические структуры, в которых определяемый член обозначает некоторый концепт, а определяющий – несет дифференциальную информацию в рамках данного понятия» [Там же, с. 162]. В результате реализации данной тенденции появляются термины с большой информационной емкостью, т.е. с потенциальными возможностями образования производных форм. Например, «эквивалентные термины, один из которых является исконно русским, а второй – иноязычным, имеют разные возможности уточнения адъективным компонентом» [Там же].

При упорядочивании терминологии выбор конкретного варианта должен быть мотивирован комплексом условий. Во-первых, это возможность «образования регулярных терминологических моделей». Во-вторых - наличие информативной емкости семантики термина. И наконец, должны быть учтены «прозрачность – затемненность» внутренней формы термина в «условиях протекания специальной речи» [Там же, с. 166]. В процессе реализации номинативной и коммуникативно-когнитивной функций языка терминосистема приспосабливается к новым тенденциям в развитии науки и техники. Не случайно «язык науки – оперативный и чуткий регистратор новых образований, значений, современных употреблений терминологических слов и словосочетаний» [Там же, с. 166].

Языку науки свойственно движение от стихийности к упорядоченности, поэтому вслед за В.М. Лейчиком принято различать терминологии - естественно сложившиеся совокупности терминов определенных областей знания или их фрагментов и терминосистемы – упорядоченные терминологии с зафиксированными отношениями между называемыми понятиями. Терминологии являются стихийно сложившимися совокупностями специальных слов. Они формируются исторически как результат накопления и осмысления знаний в определенной области деятельности. В.М. Лейчик называет единицы терминологии предтерминами, – это слова русского общеупотребительного языка, не преодолевшие порога терминологизации, не удовлетворяющие содержательным и формальным требованиям к термину. Терминология может достигнуть уровня терминосистемы, когда в ней эксплицируются основные понятия и связи между ними.

Единицы терминосистемы – это собственно термины, специально сконструированные по оптимальным моделям терминообразования. Обе эти подсистемы имеют ряд общих свойств: 1) они относительно устойчивы, сохраняют ядерную часть совокупности в течение периода функционирования системы научных понятий; 2) целостны, имеют многообразные межтерминологические связи. Однако терминология характеризуется определенной неупорядоченностью и постоянной перестройкой понятийных взаимоотношений. Терминосистема обладает двумя особенностями: 1) структурированностью, системностью, каждый термин связан с другими структурными единицами логическими и ассоциативными отношениями; 2) полнотой, высокой степенью регулярности словообразования [Лейчик 2012, с. 130-140].

Список литературы

1. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов / Б.Н. Головин // Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики: Сб. науч. ст. - М.: Изд-во Москв. ун-та, 1971. - С. 64-67.
2. Гринев, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 280 с.
3. Даниленко, В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / В.П. Даниленко // Исследования по русской терминологии: сб. статей. - М.: Наука, 1971. – С. 7-67.
4. Даниленко, В.П. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии / В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов // Вопросы языкознания. – М., 1981. – № 1.– С. 7-16.

5. Как работать над терминологией: Основы и методы / Пособие сост. по трудам Д. С. Лотте. - М.: Наука, 1968. - 76 с.
6. Кияк, Т.Р. Проблема лингвистического упорядочения терминологии / Т.Р. Кияк // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. – М.-Рязань: Пресса, 2003. – С. 90-96.
7. Квитко И.С. Терминоведческие проблемы редактирования / И.С. Квитко, В.М. Лейчик, Г.Г. Кабанцев. - Львов: Вища шк: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1986. - 150 с.
8. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии / Сост. С.И. Коршунов, Г.Г. Самбурава. – М.: Наука, 1979.– 126 с.
9. Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. - М.: Норма, 2001. - 560 с.
10. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. - 5-е изд. - М.: УРСС, 2012. – 261 с.
11. Никитина, С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики / С. Е. Никитина / отв. ред. Н. А. Слюсарева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2010. – 141 с.
12. Пекарская, Л.А. Реализация требований к «идеальному» термину в реально функционирующих терминологиях / Л.А. Пекарская // Термин и слово. Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1981. - С. 22-28.
13. Сифоров, В.И. Методологические аспекты терминологической работы комитета научно-технической терминологии АН СССР / В.И. Сифоров, Т.Л. Канделаки // Вопросы языкознания. – М., 1983. – № 2. – С. 3-8.
14. Сложеникина, Ю.В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция / Ю.В. Сложеникина. – 2-е изд., испр. - М.: ЛКИ, 2010. - 288 с. Сложеникина, Ю.В. Философский диалог об именах: Платон, Сумароков, современное состояние / Ю.В. Сложеникина, А.В. Растягаев // Онтология проектирования. – 2015. – Т. 5. – № 4 (18). – С. 463-471.
15. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. 1999. - № 1. - С. 3-16.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

THE CAUSATIVE IN THE YAKUT LANGUAGE

Dubrovina M.E.

Sankt-Petersburg State University, Sankt-Petersburg

The author continues study of the causative form in the Turkic languages. As the material for these researches there have been used numerous examples and illustrations of causative in texts and grammars of the Yakut language.

Before proceeding to the consideration of its functional features in the Yakut language, it seems necessary to dwell again on the very concept of voice.

The most common definition of this category in grammar is the following, the voice of a verb, also called diathesis and (rarely) the gender of a verb, describes the relationship between the action that the verb expresses and the participants identified by its arguments (subject, object, etc.). (<https://en.wikipedia.org/wiki/Voice>)

In Turkic linguistics in this category paid a lot of attention. In the Turkic languages, unlike Indo-European this category is very developed and has more forms, among which reflexive, reciprocal, causative and passive. All these forms are used much more often in speech than voice's forms in European languages. We can say that in European languages there are only two forms: the active voice the [passive voice](#), in some languages it is possible to meet also the middle voice. Therefore, we cannot say that in Western linguistics, this concept was well designed.

According to the author, the category of the Voice is the inflectional category, in the meaning of each of the forms which is reflected in and reinforced one of the varieties of relations between actions and one of its arguments. [Guzev, 1990 : 53].

However, important to understand the functioning of this category in the speech is the determination of which argument is associated with the action, its subject or its object. In the Turkic linguistic tradition can meet supporters of the viewpoint that the Voice expresses the attitude between the action and its **subject**, [Sevortyan E. V., 1962 : 454]. There is also an opinion that the connection occurs between the action and **its subject** or **its object** [Baskakov, 1952 : 333].

Nevertheless, the actual material of different Turkic languages, and long-term studies of this topic are increasingly pushing the author to the conclusion, the Voice as a grammatical category indicates the relationship of the action only with its subject. Thus, each form reports information about a particular variety of relationship that occurs between the action and the object that is perceived as its grammatical subject. [Dubrovina, 2015]

This article examines the use of causative in the Yakut language is to confirm the preceding hypothesis.

Already O. N. Betling noted a large number of affixes, by which causatives are formed in the Yakut language [Betling, 1989 : 315] : -т, -тар, -ар и -ыар. The use of causative in the Yakut speech demonstrates not only the diversity of formal indicators, but they transmit a variety of meanings, some of these meanings I would like to elaborate, since they are able to reinforce the idea ,which were discussed above.

First of all, in Yakut, as in other Turkic languages, this indicator is often used to convert intransitive verbs into transitive:

Кини кус өл+өр+бүт ‘He killed a duck.’ (өл- ‘to die’)

Мин эти буһ+ар+дым. ‘I cooked meat’ (бус- ‘to be cooked’)

Иңсэни яччык үөскэ+т+эр. Аччыгы баттал хана+т+ар. ‘Greed begets hunger. Hunger intensifies oppression’. (үөскээ- ‘to arise,’ , ханаа- ‘to thicken, to increase in weight’).

Үлэ киһи өйүн-санаатын кэңэ+т+эр ‘Work broadens the mind (thoughts) of a man’. (кэңээ- ‘become a wide’).

Ол курдук нэһи сэргэхси+т+эр, улугу уһугун+нар+ар. ‘So he encourages lazy, awakens powerless.’ (сэргэхсий- ‘to be encouraged’, уһугун- ‘to wake up’).

Despite the fact that in the synchrony of language, such examples may not be perceived as productive causative forms and be used as a purely technical means of converting intransitive verbs into transitive, diachronically the grammatical meaning of these derived verbs can be traced in them too – the emphasis in those forms is on the fact that the leading role in the commission of an act belongs to its subject.

If we follow the position of those who are considering the causative as an grammatical instrument of communication between action and object, i.e. between the action and those who are impelled to action, beyond comprehension will be a large number of particular examples of this Voice in various Turkic languages. whereas, the one who is impelled to action, actually is the one who does this action in fact.

So the researchers who understand it is available only as a means of indicating the relationship between the action and its real doer is unable to adequately explain the use of collateral in the following sentence:

Кубоах сохсоһо баттаппыт ‘The hare was pressed down by flat piece of wood’. (бат- ‘to press down’).

Often researchers talk about such verbs that they have become independent lexical units, that sentences with such verbs have already become sustainable in speech. But it's unconvincing, because we can meet in the Yakut speech only word forms with causative suffixes that can be formed from a variety of verbs to transfer the same meanings. These verbal forms are not in dictionaries or in idiomatic phrases.

There is some difficulty analyzing this sentence, because it can be translated into European languages only in the passive form. Speaking European languages, the linguist cannot translate this sentence differently. Therefore, linguists are beginning to attribute to the causative the passive meaning. However, you need to look at the situation through the eyes of Yakut and ask the question, why he used the causative form?

In a situation which is transmitted in the sentence involved three elements of the world: the hare, the flat piece of wood, press down.

The native Russian or English speakers see that the flat piece of wood presses down the hare, and of course, the flat piece of wood is active object, agent, because it makes action, but the hare is on the contrary a passive object, patient.

Such an interpretation, we often find in works of scientists – turkologists. [Kharitonov, 1963 : 64].

In my opinion, the reason for this understanding is the semantic interpretation of the objective situation imposed on the researcher's native, in this case, the Russian language. The flat piece of wood pressed down the hare, so hare is the passive object.

The author offers a different interpretation of this example, and it is correlated with the meaning of this morphological means. In our opinion, the causative indicates a connection between the action and its subject,

wherein the subject is a *initiator* of action, it means the role of the subject is such that it is thanks to his initiative, the action was perfect.

The used term "initiative" should be understood both literally and figuratively, because, in specific situations a person (the subject) can openly call for action (through the order, request, urge), and covertly, through no resistance to its execution or simple through the acquiescence.

Based on the said language meaning, the speaker of the Yakut language intuitively chooses the verb in causative voice, knowing that the piece of wood, as the inanimate object, itself could not perform the action. The one who caused the action to 'press down' was the hare, being, though not intentionally, but the initiator of said action.

Yakut language demonstrates the interesting cases of using the causative, which in its original language meaning (paradigmatic meaning) (indicating the initiation of the action the grammatical subject), gets additional and unexpected speech meanings. It may used in cases where the subject causes a certain action (is a kind of source for the action, been guilty of actions), which in reality is made inanimate object, including animals.

Obviously, in some cases, the native speaker is aware that an inanimate object or a particular animal is not itself able to perform the action, then a subject that is animate, or other animal (subject, grammatical subject of the action) may initiate such action, cause this action.

Кини ыкка ытыр+тар+быт. *'he was bitten by a dog'* (literally, he "forced" the dog to bite). (ытыр- 'to bite').

Эн акка тэп+тэр+эйэһин. *'Look, as if a horse kicked you'* (literally, you "not force" the horse to kick). (тэп- 'to kick').

[Мин] атахпын ыкка ытыр+тар+дым. *'The dog bit my leg'* (literally, I allowed (initiated involuntarily) the dog to bite my leg) (ытыр- 'to bite').

It is assumed that, in accordance with stereotypes of the Yakuts, the actions of animals are initiated by people, because the animals against the people perceived as passive objects. Actions, though committed by their (people's) connivance, negligence, etc., but nonetheless, happen with their submission, therefore, the subject of the verb in the causative voice is the main, he or it is the initiator of the action.

If the sentence involves an animal and an inanimate object, then there is another hierarchy. In this case, an animal can be perceived as something/ someone that is capable of initiating any action.

List of References

1. Baskakov N. A. Karakalpak language II. Phonetics and morphology. Part I (parts of speech and word formation)/ Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. -544 p.
2. Betling, O. N. The language of the Yakuts. /Translated from the German Phys.N. V. I. Rassadin / Novosibirsk: "Nauka". Siberian department, 1989. - 645 p.
3. Guzev V.G. Essays on the Theory of Turkic inflection: Verb: On a material Old Anatolian Turkic language. — Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 1990. - 165 p.
4. Dubrovina M.E. A few words about the meaning of the cauzative in the Turkic languages // Prospects of development of modern humanitarian Sciences. Collection of scientific papers on the results of international scientific-practical conference. Voronezh, 2015. - P. 120-122.
5. Kharitonov L. N. Voice forms of the verb in Yakut language. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. - 128 p.
6. Melnikov G. P. Systemology and linguistic aspects of Cybernetics. Moscow: "Soviet radio", 1978. - 368 p.
7. Sevortyan E. V. Affixes of the verbal word formation in the Azerbaijani language. Experience in comparative research. Moscow: Publishing house of Oriental literature, 1962. - 643 p.

СЕКЦИЯ №18.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СЕКЦИЯ №19.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Поползина Л.П.

Кемеровский государственный институт культуры

Аннотация: в статье рассматривается проблема организации иноязычного общения в современном образовании. Статья показывает главные критерии в выборе тем для общения. Уделяется внимание методам обучения и роли самостоятельной работы студентов в подготовке общения как тематического, так и общения в профессиональном сообществе.

Ключевые слова: коммуникативное общение, профессиональное сообщество, образовательные ресурсы, профессиональные цели, самостоятельная работа студентов.

THE PROBLEM OF ORGANIZING COMMUNICATION IN MODERN LANGUAGE LEARNING

Popolzina L.P.

Abstract: the article is aimed at the problem of organizing communication in modern language learning. The article determines chief criteria of choosing topics for communication. It is paid attention to teaching methods and the role of students' original work in searching information for themes or special purposes in professional purposes.

Keywords: communication competence, professional environment, educational resources, professional purposes, students' original work.

Организация общения при обучении иностранного языка в современном образовании является комплексным процессом, который включает в себя взаимодействие таких компонентов как: мастерство преподавателя, мотивация студентов, их интерес к усвоению иностранного языка для общения в профессиональной среде. Главной функцией такого процесса является развитие и формирование коммуникативной компетенции, их желание и умения участвовать в иноязычном общении. Не менее важной задачей выступает организационная функция, направленная преподавателем на дифференцированное взаимодействие студентов и осуществление контроля. При этом всегда учитывается воспитательная функция, нацеленная на разностороннее развитие студентов средствами иностранного языка, его культурой и традициями. Характерной чертой воспитательной функции выступает организация преподавателем небольшой по объему дискуссии по подведению итогов, заключению резюме, обобщению и сравнений образов жизни в нашей стране и страны изучаемого языка.

Развитие коммуникативной компетенции студентов может осуществляться на занятиях, приближенных к реальным жизненным ситуациям. Такими видами работы служат воображаемые экскурсии, дискуссии, конференции, презентации, выставки и круглые столы. Одним из путей, ведущих к повышению интереса к иностранному языку, является разнообразие средств и приемов работы на занятиях, использование активных форм обучения и организация исследовательской самостоятельной работы студентов. К таким формам работы целесообразно прибегать на итоговых занятиях, когда у студентов имеется необходимая тематическая лексика, закрепление грамматических конструкций и дополнительные сведения, полученные в результате поиска в информационных источниках и ресурсах.

Важным аспектом в организации иноязычного общения является роль самостоятельной работы студентов. Самостоятельная работа рассматривается как исследовательская форма учебного процесса под руководством преподавателя. Методические и педагогические приемы преподавателя в современных условиях образовательного процесса направлены на выполнение заданий, требующих поиска информации, ее переработки и творческого отношения студентов к поставленным задачам. Внеаудиторная самостоятельная работа студентов организуется и направляется преподавателем для таких видов аудиторных занятий как тематические презентации, проектные разработки, написание рефератов, просмотр фильмов и чтение статей на интернет-сайтах с последующим выполнением ранее полученных заданий.

Страноведческие презентации и презентации, ориентированные на будущие специальности студентов по профилю нашего вуза культуры, не только обогащают знания студентов в области литературы и культуры, но и повышают познавательный интерес и мотивацию к освоению иностранного языка в

качестве языка общения в профессиональном сообществе. Сочетая потребности студентов в усовершенствовании знаний иностранного языка в целом и приобщение его для профессиональных целей, целесообразно использовать теоретические и практические знания студентов по специальным предметам. Таким образом, специальные дисциплины при организации иноязычного общения повышают их профессиональные навыки и формируют коммуникативную компетентность к возможному общению в профессиональной среде, будущему участию в зарубежных конференциях и других видах организованного общения.

За последнее время стало традицией проводить презентации, посвященные важным датам страны и презентации на темы года, объявленные Президентом страны. В год литературы и празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. студенты в своих сообщениях раскрывали патриотическую роль текстов стихов и песен и другой наглядной агитации в рассматриваемой теме. Каждое сообщение заканчивалось проблемным вопросом об исторических фактах и объективным анализом событий времен Великой Отечественной войны. Применяя умения студентов ориентироваться в информационной среде и полученные знания иностранного языка, преподавателем были определены перспективы исследования этого важного исторического события в анализе британских и американских источников относительно военного сотрудничества бывших союзников. Отмечая Год русского кино – 1916, студенческие сообщения касались исторических фактах кинематографии, жанрах кино, известных режиссеров и знаменитых актеров. Вовлекая студентов в межкультурную коммуникацию, были проведены викторины и организованы дискуссии о кинематографе стран изучаемого языка, главным образом об известных киностудиях Голливуда. Текущий год – это год экологии. Заданиями внеаудиторной самостоятельной работы студентов являются вопросы, связанные с проблемными экологическими ситуациями в реальной жизни. Таким образом, студенты в качестве средств общения, обмену и получении новой информации оказались в ситуациях, приближенных к реалиям жизни. Вовлекая студентов в реальные коммуникативные ситуации, преподаватель использует разнообразные средства и приемы по освоению и закреплению лексики, по выделению ключевых слов и составлению аннотаций. Важными элементами такого общения являются умения студентов передавать содержание текстов при некоторой замене языковых средств устойчивыми выражениями, клише и резюме. Языковым материалом могут служить научные журналы, газеты и разнообразные информационные источники. Раскрывая экологические проблемы сегодняшнего дня, студенты соприкасались с географическими, биологическими и природоохранными аспектами окружающей среды. Тематика и содержание презентаций вызывало дискуссию по обмену точек зрения проблемы и возможные пути решения. Студенты резюмировали, что будущее планеты, страны, области и родного города зависит от самого человека, его экологического образования и воспитания активной гражданской позиции.

Значимым элементом презентаций по специальности является информационная ценность с использованием аутентичных текстов, то есть принцип межкультурной коммуникации всегда в центре внимания и направлен на формирование коммуникативных навыков. Развивая коммуникативную компетенцию, преподаватель дает возможность студентам, применяя знания иностранного языка, сравнить и обобщить состояние проблемы в нашей стране и в иноязычной среде. Разнообразие аутентичного материала и его переработка с использованием закреплённых речевых конструкций и клишированных выражений для последующего повествования направлены на формирование коммуникативной компетентности. Передача информации, подведение итогов и обобщение создают условия для развития монологической и диалогической речи, которые и создают реальное общение. В рамках общения эти виды речевой деятельности рассматриваются как взаимосвязь между говорящими и слушающими, их суждениями, дополнениями и выводами.

Таким образом, создание адекватных условий для общения на профессиональные темы, так и актуальные проблемы сегодняшней жизни способствуют развитию коммуникативной компетенции студентов, умению логично излагать, сопоставлять, делать выводы и выражать свою точку зрения.

Список литературы

1. Гребнев Л.С. Общекультурные компетенции и воспитывающие технологии. // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 48 – 52.
2. Колкер Я.М. Практическая методика обучения иностранному языку [Текст] / Я.М. Колкер; М., Academia. 2001.

ЭКСПЛИКАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВИДЕОИГРАХ

Ющалкина В.В.

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Т.В. Тюрнева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

У отдельно взятого этноса есть свои собственные представления об окружающей действительности, собственная концептуализация мира и представления о носителях других культур. Личность воспринимает и воспроизводит мир в форме определенных своей этнокультурой норм, обычно не осознавая этого. Понимание этих норм и ценностей происходит в процессе коммуникации с другими носителями собственной речи.

В определенном обществе возникают стереотипные представления – как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства. Здесь уместно обратиться к определению «стереотипа». Итак, стереотип – это суждение, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающее определенному классу лиц некоторые свойства или, наоборот, отказывающее им в этих свойствах. Стереотипы рассматриваются как особые формы обработки информации, облегчающие ориентацию человека в мире.

Признаки, содержащиеся в стереотипах, используются говорящими для оценки отнесенности предметов к тому или иному классу и приписывания им определенных характеристик. Иными словами, человек в условиях ограниченного доступа информации, будь то невозможность путешествовать по миру и узнавать о традициях и менталитете людей разных стран из «первых уст», либо цензура общества, в котором живет индивид, или же нежелание самого человека воспринимать мир с другой точки зрения заставляет создавать стереотипы в своём сознании.

В век информационных и коммуникационных технологий, стереотипы находят себе воплощение в фильмах, книгах, статьях газет, музыке. Мы бы хотели рассмотреть сферу «новых» медиа, которая наиболее популярна среди молодого поколения – видео игры, а также проиллюстрируем формирование стереотипов о носителе русской культуры, воплощенных в видеоиграх, как вербально, так и с помощью определенных прецедентных феноменов, закрепленных в видеоряде игры.

Command and Conquer: Red Alert 3

Сюжет в Red Alert берёт начало спустя некоторое время после Второй мировой войны. Альберт Эйнштейн разрабатывает машину времени, получившую название «Хроносфера», и использует её, чтобы устранить из истории Гитлера и тем самым предотвратить вторую мировую войну.

К сожалению, результаты воздействия на прошлое оказываются непредвиденными. Германия действительно не развязывает войну, но ничем не сдерживаемый Советский Союз во главе с Иосифом Сталиным предпринимает массированное наступление на Европу. СССР в этой серии всегда наводил ужас на США, а иногда и на императорскую Японию. Виртуальные русские бесконечно далеки от англосаксов. Первые мечтают о мировом господстве посредством долгой кровопролитной войны, вторые вынуждены спасать мир.

Логично, что первое, на что мы обращаем внимание – это само название игры Red Alert – Красная Угроза. Поскольку события игры разворачиваются в вымышленном альтернативном мире, то нельзя указать точную дату конфликта, но, тем не менее, красный цвет явно указывает на период рассвета Советского Союза, то есть предположительно это времена Холодной Войны (основные враги – СССР и США), а также «гонка вооружений» (ядерное оружие, усовершенствованные танки и авиация). Интересно, что известные многим прецедентные феномены часто возводятся в ранг абсурда, так, например, в игре появляются русские кибер медведи. В XXI веке такие современные масс медиа, как компьютерные игры с участием персонажей русского происхождения, не смогли избежать напоминания о напряженном периоде всемирной истории, как Холодная Война.

Примером экспликации стереотипов является выдуманный гимн Советского Союза. Стоит отметить, что разработчики представляют гимн на русском языке, исполненный Казахским хором из Сан-Франциско. Гимн отлично создает специфический фон на протяжении всей игры. Он состоит из 25 строк, но особое внимание хочется обратить на припев:

Наш Советский Союз покарает
Весь мир, как огромный медведь. На восток
Над землёй везде будут петь:
Столица, водка, Советский медведь наш!

Стандартные стереотипы о советском пространстве и русских в глазах иностранцев: водка, огромный медведь, Москва, красная площадь, желание захватить весь мир. Звуковое сопровождение, сильно напоминающее марш, создает особую атмосферу и двойной эффект: для играющего за СССР – воодушевление на будущую победу, а для играющего за Альянс – если не страх, то, по крайней мере, настороженность и тревогу.

Более того, к вербализации представлений о носителях русской культуры относится и характерный русский акцент в английской речи персонажей: сильно русифицированный звук [r], что создает эффект «рычания», одинаковое произношение звука [w] и [v], а также межзубные фонемы [θ] и [ð] и [t] произносятся как русский [т].

Наконец, обращения персонажей СССР друг к другу явно отсылают нас ко временам существования союза – comrade – товарищ.

GTA IV

Игры серии Grand Theft Auto отличаются свободой действия, включающей свободное передвижение по обширным территориям, возможность угнать любой встретившийся транспорт и убить любого увиденного неигрового персонажа.

В целом, эта серия игр включает различные персонажи, но наше внимание будет нацелено на одного собирательного героя, представляющего разные стереотипы. Формально, Нико Беллич – балканский молодой человек. Но жуткий славянский акцент, тренировочные штаны фирмы abibas и коричневая куртка из кожзаменителя заставляют думать, что он приехал из глубинки. В этой игре мы можем также наблюдать персонаж, который практически полностью состоит из набора стереотипов. Подобный образ носителя славянской культуры закрепляется на отрезке ментального пространства реципиента. Фраза в одной из катцен: «Зачем есть капусту, если есть картошка?» является ярким примером воплощения стереотипа о жителях Белоруссии и их любви к вышеупомянутому овощу. В дополнение мы не можем не заметить, что герои слушают «шансон» отдельной радиостанции для русскоговорящих Vladivostok, диджей которой является украинская певица Руслана.

World in Conflict: Soviet Assault

Главные события в World in Conflict: Soviet Assault начинаются с того, что ночью 1989 года, небольшой отряд спецназа под контролем игрока проникает на аванпост вооружённых сил США, расположенный недалеко от Берлинской стены, в Западной части Берлина. Полковник докладывает, что по плану «Одесса», до начала основного наступления Советской армии войскам игрока необходимо заложить взрывчатые заряды под двумя установками ПВО, которые будут взорваны сразу после начала боевых действий. Успешно выполнив задание, отряд выдвигается к точке эвакуации, и Орловский советует лейтенанту Романову подготовиться перед скорым наступлением.

Уже в трейлере мы можем наблюдать несколько явных стереотипов о русских: красный цвет и символика, планы по мировому захватчеству, ядерное оружие, а также для создания специфической атмосферы на заднем плане играет мелодия и немного измененные слова песни «Полюшко». Реципиенту предлагается неофициальный символ России – медведи, которые, как считают западные разработчики, гуляют абсолютно по всем улицам страны. «The red bear has awoken» (красный медведь проснулся), the world will see his might – явная ассоциация всей страны с грозным зверем и с постоянной угрозой. Стоит обратить внимание на название игры: assault – нападение, угроза, атака. Данное имя существительное обладает эмоционально-оценочной окраской и нередко используется в юридическом дискурсе (sexual assault). Использование этой лексемы явно указывает на агрессию со стороны русских.

Как и любой знак, стереотип может быть интерпретирован реципиентом посредством вербальной и невербальной коммуникации. В видеоиграх стереотип закрепляется с помощью вербализованной модели: русский акцент, повторение одних и тех же лексем (водка, красный, медведь и т.п.), и с помощью аудио-визуального воздействия посредством образов, прецедентных феноменов – с другой стороны. Стереотип создается, укрепляется и порой доводится до абсурда. Следуя известному отношению знака и интерпретатора, использование стереотипа в видеоигре носит определенный прагматический характер. Синтактика образов очерчена, они представляют собой четкий конструкт определенного аспекта культуры: так, если речь идет о СССР, то это взаимосвязь таких знаков, как тов. Сталин, красная символика,

жестокость, брутальность героев и т.д. Оказываясь в мире видеоигры, игрок погружается в созданную для него историю, его окружают образы и прецедентные феномены, содержание высказываний и акцент в речи героев помогают укрепить стереотип о русских, а умение критически мыслить отходит на второй план.

Список литературы

1. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 3;
2. Видео материалы из компьютерной игры Command and Conquer: Red Alert 3;
3. Видео материалы из компьютерной игры GTA IV;
4. Видео материалы из компьютерной игры World in Conflict: Soviet Assault;
5. Онлайн-словарь Abbyu Lingvo;
6. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного, М., 2005.

СЕКЦИЯ №20.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОСТИ В РУМЫНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА НА РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНА А.ДЮМА «ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»)

Семенова Д.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

В сравнительно-типологическом ключе в статье изучаются некоторые способы передачи модального значения предположительности в двух родственных романских языках, на примере перевода на румынский язык французского оригинала романа А.Дюма «Двадцать лет спустя» (A. Dumas. *Vingt ans après*. Paris, 1967. – A.Dumas. *După douăzeci de ani*. București, 1969).

Прежде чем изучать особенности употребления косвенных наклонений в румынском переводе, необходимо остановиться на грамматическом статусе румынского презумптива (*modul prezumtiv*).

Форма, которую называют перфектом презумптива, представляет собой результат транспозиции будущего II, или будущего предшествующего (*viitorul doi* или *viitorul anterior*) в план законченного прошедшего с одновременным приобретением модального значения предположительности. Ср.: (будущее) **Vor fi terminat** munca și numai după aceasta vor pleca acasă. – **Они закончат** работу и только после этого пойдут домой. / (презумптив) Au și plecat acasă. **Vor fi terminat** munca. – Они уже ушли домой. **Наверное, они закончили** работу.

Исследователи французского языка [Bolinger: 1946; Богомолова: 1948; Шашкова: 1975 и др.] отмечают аналогичную особенность *futur antérieur* относить обозначаемое действие к плану прошлого, придавая высказыванию модальный оттенок предположения, и подчеркивают вместе с тем преобладание у данной глагольной формы видового значения над временным. Как пишет Н.М.Штейнберг, при модальном употреблении предшествующего будущего «говорящий не решает высказать окончательного суждения о причине замеченного факта, а как бы оставляет его на будущее, когда эта причина может выясниться (ход мысли автора высказывания: *je ne trouve pas mon crayon, je l'aurai perdu* – таков: «Я не нахожу своего карандаша (и), если я его нигде не найду, то окажется, что я его потерял»)» [Штейнберг: 1952, 279]. В подобных случаях форма будущего предварительного отражает «логику выводного знания» [Сабанеева: 1992, 71].

При этом перенесение значения морфологической формы будущего в план прошедшего с одновременным приданием ей модального оттенка предположительности, т.е. временная транспозиция, представляет общероманское явление. И в этом отношении румынский язык не является исключением. Более того, приведенные выше рассуждения по поводу преобладания в форме предбудущего видового

оттенка значения в случае ее модального употребления, а также соотнесенность высказывания о прошлом с возможностью подтвердить предположение в будущем в равной мере применимы и к румынскому языку.

По вопросу о статусе рассматриваемого здесь значения будущего предшествующего применительно к западнороманским языкам существуют две точки зрения: одни исследователи признают за ним право на выделение в самостоятельное предположительное наклонение, другие считают подобное выделение неправомерным; ср.: «гипотетичность не включена в грамматическое значение футурума как языковой формы; гипотетичность лишь одно из возможных речевых осмыслений футурума со стороны адресата речи» [Сабанеева: 1984, 22].

Большинство же исследователей румынского языка [Jordan: 1956, 433; Лухт: 1970, 128; Avram: 1986, 162; Dana Manea, 2005, 373] за редким исключением, придерживается мнения о том, что применительно к данному языку целесообразно говорить о наличии особого презумптивного наклонения. Дело в том, что в отличие от западнороманских языков, где коррелятивной видовременной парой к будущему предшествующему в модальном значении является простое будущее (ср. французский: Vous cherchez Pierre? Il sera dans le jardin: Штейнберг: 1972, I, 175), в румынском языке возникла и широко употребляется в качестве предположительной формы настоящего времени специальная, не имеющая других значений, аналитическая глагольная форма, образованная при помощи *деепричастия*. Тем самым в системе языка создана грамматическая оппозиция видовременных предположительных форм: о fi **plecând**/о fi **plecat** „он (она, они), наверное, **уезжает** (уезжают)/ ~, наверное, **уехал** (уехали). Именно это и должно служить главным аргументом для выделения презумптива в румынском языке в особое косвенное наклонение [Slave: 1957, 56; Репина: 1965; 1996, 96]

Полное соответствие плана грамматического содержания плану грамматического выражения и противопоставленность друг другу глагольных форм как в том, так и в другом отношении позволили ученым выделить формы типа **о fi vrând / о fi vrut** в особое презумптивное наклонение, определив первую как презенс презумптива, вторую – как перфект того же наклонения. Мы полностью разделяем эту точку зрения. Стоит добавить, что аналогичные оппозиции образуются в зоне презумптивности и при употреблении форм других косвенных наклонений (să fi având/ să fi avut// ar fi având/ ar fi avut).

Проведенное Д.Н.Райлян исследование расхождений в значениях перфектных форм конъюнктива и презумптива (при их употреблении в разных коммуникативных типах предложений: повествовательных, общевпросительных и частновпросительных) [Райлян: 1999, 88 и сл.] показало, что они состоят:

- в разной степени критической достоверности (*модально-семантический* фактор);
- в отнесенности к разным типам актов речи (*прагматический* фактор);
- в соотнесенности с разными типами актуального членения высказывания (*коммуникативный* фактор).

Была также выявлена определенная иерархия этих факторов, которая, по-видимому, и объясняет расхождения в частоте использования разных форм косвенных наклонений в разных типах предложений. Оказалось, что поскольку в повествовательных предложениях на первый план выходит фактор *модальной семантики* наклонений, говорящий в большинстве случаев отдает предпочтение перфекту презумптива, избегая категоричности суждения, высказываемого в форме предположения. Для общего вопроса наиболее существенным оказывается *семантически-коммуникативный тип вопроса* – вопрос-размышле

(для говорящего, по-видимому, менее

важно получить в ответ на предположение конкретную информацию, чем выразить свою собственную мысль, свои собственные сомнения). В частном вопросе возрастает роль *коммуникативной установки* говорящего, которая диктуется внеязыковой ситуацией, – расхождения в количестве примеров с тем и другим наклонением менее заметны.

Сопоставив с французским оригиналом румынский перевод романа А.Дюма «Двадцать лет спустя» (А. Dumas. Vingt ans après. Paris, 1967. – А. Dumas. După douăzeci de ani. București, 1969), мы нашли в нем подтверждение некоторых из наблюдений, сделанных на материале оригинальных румынских текстов в вышеуказанном исследовании [Райлян: 1999]. Результаты сопоставления оказались следующими (в скобках указываются страницы оригинала и перевода).

I Повествовательное предложение

Форма глагола	Французский язык	Румынский язык	Форма глагола
Futur antérieur	Il aura fui par là... (377)	Pe aici trebuie să fi fugit (303)	Conjunctiv perfect

	Athos sera devenu idiot à force de boire (102)	Athos s-o fi prosti din pricina băuturii (64)	Prezumtiv perfect
--	---	--	-------------------

При передаче однотипных форм французского глагола переводчик-носитель румынского языка прибегает к разным косвенным наклонениям, добавляя в первом случае к перфекту конъюнктива глагол, усиливающий модальную семантику уверенности, во втором, где речь идет о моральном состоянии третьего лица, подчеркивая формой презюптива модальную семантику слабой уверенности. И в том, и в другом случае реализуется различие в *модальной семантике* румынских косвенных наклонений.

II Общевопросительное предложение

Форма глагола	Французский язык	Румынский язык	Форма глагола
Conditionnel passé	Rochefort aurait-il précédé d'Artagnan chez Athos? (189)	Oare să fi fost Rochefort înaintea lui d'Artagnan la Athos? (143)	Conjunctiv perfect
	...m' aurait-il donc devinée ? (428)	O fi ghicit oare la ce mă gândesc? (349)	Prezumtiv perfect

В общевопросительном предложении там, где автор французского оригинала прибегает к одной и той же глагольной форме – прошедшему времени кондиционала в модальной функции, переводчик использует **разные** наклонения. Высказывая предположение о конкретном действии, он выбирает конъюнктив, в случае же его направленности на мысль другого человека, он предпочитает употребить презюптив.

Мы не ставили перед собой цель подробно изучить этот вопрос в сопоставительном плане, но мы обратили внимание на то, что во всех случаях, когда вопрос носит презюптивно-делиберативный характер, переводчик прибегает к перфекту конъюнктива. Ср. более широкий контекст первого из включенных в таблицу общих вопросов: Il ne put s'empêcher de *songer* à Rochefort, à ce qu'il lui avait dit à l'église Notre-Dame. Rochefort **aurait-il précédé** d'Artagnan chez Athos? (далее следует новый абзац). D'Artagnan n'avait pas de temps à perdre *en longues études*. Характер вопроса-размышления, адресованного самому себе, в котором отсутствует направленность на получение информации, вытекает со всей очевидностью из содержания приведенного фрагмента текста. То есть и в этом случае мы находим в переводе подтверждение наблюдениям, осуществленным в ходе изучения оригинальных румынских текстов.

III Частновопросительное предложение

Форма глагола	Французский язык	Румынский язык	Форма глагола
Passé composé (Indicatif)	Où ai-je mis cette lettre? (102)	Dar unde o fi pus scrisoarea? (65)	Prezumtiv perfect
	Où est-il passé ? (85)	Pe unde o fi ieșit ? (50)	
	Qu' est il donc arrivé ? (410)	Ce i s-o fi întâmplat ? (333)	

В частном вопросе из румынских косвенных наклонений встретился только презюптив, в связи с чем в интересующем нас плане соотношения перфектных форм двух румынских косвенных наклонений (презюптива и конъюнктива) материал переводного текста оказался мало показательным. Вместе с тем именно перевод частновопросительных предложений обнаружил расхождение в восприятии одной и той же ситуации двумя родственными языками: там, где автор французского оригинала ставит глагол в сложный перфект (*passé composé*) индикатива, переводчик-носитель румынского языка ощущает потребность ввести в вопрос эксплицитный *грамматический* показатель модальности предположения в виде перфекта презюптива.

Список литературы

1. Богомолова О.И. Современный французский язык. Теоретический курс. М., 1948. 427 с.
2. Лухт Л.И. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык. М., 1970. 219 с.

3. Райлян Д.Н. Перфект конъюнктива в румынском независимом предложении и в структурах типа «модус-диктум» (семантика, дистрибуция). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1999. 131 с.
4. Репина Т.А. О грамматических средствах выражения предположительности в современном румынском языке//Omăgiu lui Al.Rosetti la 70 de ani. București, 1965. P.751-755
5. Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков. СПб, 1996. 279 с.
6. Сабанеева М.К. Функциональный анализ наклонений в современном французском языке. Л., 1984. 103 с.
7. Сабанеева М.К. Модальность высказывания // Французский язык в свете теории речевого общения / Общ. ред. Репиной Т.А. СПб, 1992. С.6-83
8. Шашкова С.А. Способы выражения модальности предположения в современном французском языке // Романо-германская и славянская филология. Минск, 1975. С. 127-139.
9. Штейнберг Н.М. Так называемое будущее предварительное (futur antérieur) в современном французском языке (К вопросу о соотношении категории вида и времени в системе французского глагола) // Ученые записки Ленингр. Ун-та. Сер. филол. наук. Вып. 15. Л., 1952. С.265-281
10. Штейнберг Н.М. Грамматика французского языка. Ч. I Морфология и синтаксис частей речи / на французском языке. Л., 1972. 342с.
11. Avram M. Gramatica pentru toți. București, 1986. 414 p.
12. Bolinger D. The future and conditional of probability „Hispania”. Vol.29. Baltimor, 1946
13. Manea Dana, Modurile personale (predicative) // Gramatica limbii române, I, Cuvântul. București, 2005, P. 358 - 393.
14. Iordan I. Limba română contemporană. București, 1956. 834 p
15. Slave E. Prezumiivul //Studii de gramatică. Vol. II. București, 1957, p.53-60

СЕКЦИЯ №21.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

СЕКЦИЯ №22.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Капралова Е.О.

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк

Современная наука характеризуется наличием многоуровневой методологии, согласно которой методы научного познания в зависимости от степени общности и широты применения делятся на философские, общенаучные, научно-научные и дисциплинарные. Философские методы носят универсальный характер при самом высоком уровне абстрагирования; общенаучные методы (системный, структурно-функциональный, синергетический, наблюдение, дедукция и др.) определяются как промежуточные между философией и фундаментальными теоретико-методологическими положениями специальных наук; научно-научные методы – это совокупность способов, принципов познания, исследовательских приемов и процедур, применяющихся в той или иной науке; наконец, дисциплинарные методы – это система приемов, свойственных для научной дисциплины, входящей в отрасль науки или появившейся на стыке наук [3].

В центре внимания статьи находится метод, переросший границы научно-научного, и ставшего дисциплинарным, а именно – метод бинарных оппозиций. Как известно, он сформировался в лингвистике, а затем получил широкое распространение в семиотике, однако, как показывает анализ литературы по данному вопросу, принцип бинарности широко применяется в исследованиях других областей гуманитарного знания, несмотря на критику метода как «не пользующегося всеобщим признанием» в силу «ограниченности его возможностей» [8].

Термин «бинарная оппозиция» происходит от латинского «binarius», что означает «двойной, состоящий из двух компонентов» [5]. Данное понятие было введено русским лингвистом Н.С. Трубецким, впервые предпринявшим попытку систематизации оппозиции. В настоящее время бинарная оппозиция понимается как «универсальное средство рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает» [6, с.72]. Именно бинарная оппозиция рассматривается как одно из неотъемлемых качеств дискурсивного мышления, противопоставляемого различным формам интуиции. Стоит отметить, что некоторые представления о бинарных оппозициях были сформированы в диалектике Платона, а также в формальной логике Аристотеля. Так, в философском наследии Платона гендер раскрывается через комплементарность, то есть взаимодополняемость бинарных оппозиций, а Аристотель был одним из первых, кто ввел в сравнительный анализ такие бинарные оппозиции (два альтернативных варианта), как монархия / тирания, аристократия / олигархия.

Исследователи утверждают, что двоичность восприятия окружающего мира обусловлена чисто физиологическими причинами, прежде всего тем, что мозг человека разделен на два полушария, каждое из которых выполняет свою функцию, а также тем, что у нас два глаза, два уха, две ноздри, две руки и ноги. В XX веке большую роль в понимании важности и универсальности применения бинарных оппозиций, сыграла фонология, построенная на таких дифференциальных признаках, как глухость / звонкость, твёрдость / мягкость, гласные / согласные. После того как Н. С. Трубецкой построил фонологическую методологию, главным смысловоразличительным понятием которой является именно понятие оппозиции, то есть противостояния по смысловыявляющему признаку, система бинарных дифференциальных признаков начала активно применяться практически во всех сферах структурных гуманитарных исследований.

В частности, было установлено, что в описании любой картины мира лежат различные бинарные оппозиции, которые носят универсальный характер, являющиеся, по словам А.Я. Гуревича, определяющими категориями человеческого сознания. Такие универсальные понятия тесно связаны между собой и образуют своего рода «модель мира», которая помогает людям воспринимать окружающую действительность [2, с. 7]. Универсальные человеческие категории были подробно изучены в одном из исследований Д. Брауна, результатом которого стал вывод о том, что люди любой национальности выделяют следующие бинарные оппозиции: мужской – женский пол, черное – белое, хорошее – плохое [4, с. 394].

О существовании универсальных бинарных оппозиций также говорит Т.В. Цивьян, советский и российский лингвист-славист и переводчик. Исследователь предполагает, что бинарная модель мира ориентируется на максимальную космологизированность сущего. Для представления такого мироустройства была выработана система бинарных оппозиций – 10 или 20 пар противопоставленных друг другу признаков, каждый из которых соответственно обладает положительным или отрицательным значением. Данные оппозиции могут быть пространственными (верх – низ, небо – земля), цветовыми (белый – черный), социально-категориальными (мужской – женский, старший – младший (не только в возрастном значении)), временными (день –ночь, лето – зима) и др. [7, с. 5-8].

Отечественный семиолог и лингвист В.П. Руднев отмечал: «В современной жизни мы также пользуемся бинарными оппозициями: можно – нельзя, положено – не положено, принято – не принято, истинно – ложно, да – нет, утверждение – отрицание, знание – неведение и т.д. Роль бинарных оппозиций, открытая в XX веке, не знает границ: они употребляются в диапазоне от стихотворного ритма, который построен на бинарном чередовании мельчайших единиц языка (ударный слог – безударный слог), до биологических ритмов дня и ночи, зимы и лета, а также культурных ритмов: идеалистическая культура – материалистическая культура» [5, с.48-49].

В связи с подчёркивающейся в цитате универсальностью бинарных оппозиций нельзя не отметить их роль в культуре и культурологии как науке, занимающейся изучением культуры. Феномен бинарности занимает немаловажное место в европейской культуре и других культурных средах. Так, бинарные оппозиции находят своё отражение в буддистской логике, согласно которой об одном и том же предмете могут быть представлены два абсолютно противоположных мнения, каждое из которых имеет право на существование, так как может считаться верным. Что касается европейского опыта, тесно связанного с бинарными оппозициями, стоит упомянуть апории Зенона Элейского, которые построены по такому двоичному принципу, как аргумент / контраргумент, а также средневекового философа Пьера Абеляра, написавшего труд под названием «Да и нет», в котором он разоблачает противоречивость суждений некоторых авторитетов церкви.

Важную роль в развитии принципа бинарности в целом сыграл антиномический метод познания, применяемый Иммануилом Кантом. Философ утверждал, что человек, хотя и пытается, не может выйти за рамки чувственного опыта, что, по его мнению, способствует появлению тезиса и антитезиса, которые и образуют неразрешимые противоречия, получившие название «антиномия». Стоит также упомянуть Гегеля, который развивает идеи Канта в практическом русле, говоря о том, что миром правит противоречие, под которым он понимал столкновение совершенно противоположных понятий и разрешение их путем объединения. В дальнейшем антиномический метод находит своё отражение в работах Ф. Ницше, К. Маркса, а также в трудах многих других мыслителей.

Бинарные оппозиции достаточно широко используются в европейской науке в целом. Например, в пифагореизме существует противопоставление Единицы и Двоицы. Таким образом, в данном случае друг другу противопоставлены такие категории, как четное и нечетное. Последователи Пифагора вкладывали в эти понятия оценочный момент (нечетное — хорошо, четное — плохо). На основе данного тезиса они выстраивали систему противопоставлений, которые в современной науке и называются бинарными оппозициями.

Клод Леви-Стросс, знаменитый французский этнолог, антрополог и культуролог, доказал, что при помощи бинарных оппозиций можно изучать структуру различных мифов. По его мнению, именно бинарные оппозиции лежат в основе каждого мифа, а, следовательно, они составляют структуру человеческого мышления. По мнению исследователя, «мифологическая логика оперирует оппозициями типа «день / ночь», «верх / низ», «правое / левое», причем обычно это не изолированные оппозиции, а их «пучки», ансамбли» [1, с.171]. Именно выявление этих ансамблей и является одной из главных сторон методологии Леви-Стросса. На данной основе он исследует каждый миф, начиная с выделения повторяющихся в нём бинарных оппозиций, заканчивая поиском вариантов таких оппозиций и их объединением. Следовательно, если изучать мифы, используя данный метод, то можно упорядочить все варианты одного и того же мифа, встречающегося в культурах разных племён и народов.

В заключение отметим, что бинарные оппозиции, вне всяких сомнений, являются универсальным средством познания мира, а область их применения практически безгранична.

Список литературы

1. Бакулина, А.В. Принцип двоичности в природе и культуре. Журнал «Вестник Вятского государственного университета» т. 1, н. 2, И: Вятский государственный университет (Киров), 2008. - С.171
2. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. - С.7
3. Некрасов, С.И. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник / С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова. – Орел: ОГУ, 2010. – 289 с.
4. Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2004. С. 394.
5. Руднев В.П., Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты, М., «Аграф», 2009 г., с. 48-49.
6. Трубецкой Н. С. Классификация оппозиций / Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 72
7. Цивьян Т. В. Лингвистические основы Балканской модели мира. М., 1990. С. 5-8.
8. Шарафутдинова, Н.С. Теория и история лингвистической науки / Н.С. Шарафутдинова. – Ульяновск: УлГТУ, 2006. – 284 с.

СЕКЦИЯ №23.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

СЕКЦИЯ №24.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Кумыкова З.И.

Институт социальной работы, сервиса и туризма
Кабардино-Балкарского Государственного Университета

На сегодняшний день туризм является массовым социально-экономическим явлением мирового масштаба. Ни в какой другой отрасли не пересекается столько культур, как в этой. Людям никогда не надоест узнавать что-то новое, поэтому туризм всегда будет актуальным направлением деятельности. По статистике, которая приводится в ряде исследований, в сферу туристического бизнеса вовлечены около 180 млн человек, что составляет более десяти процентов от общего числа работающих во всем мире [3]. Такой размах туристической индустрии стал импульсом к появлению лингвистических исследований, направленных на изучение туристического дискурса как особой разновидности речевой деятельности.

Важной задачей исследования туристического дискурса является определение его типологического статуса. По этому вопросу существуют различные точки зрения. В частности, высказывается мысль о том, что данный вид дискурса представляет собой подвид институционального рекламного дискурса [5]. Согласно иной точке зрения, это самостоятельный вид дискурса, обладающий способностью к взаимодействию с другими типами дискурса (бытовым, научным, рекламным и др.) [3].

Первая из обозначенных выше позиций является в высшей степени спорной, поскольку она сужает само понятие туристического дискурса. На наш взгляд, реклама является лишь одной из жанровых разновидностей туристического дискурса, следовательно, не может представлять всё разнообразие его характеристик.

Более взвешенной представляется точка зрения, в соответствии с которой туристический дискурс является самостоятельным типом дискурса, характеризующимся особой тематической направленностью, ориентацией на строго определённого адресата, уникальностью цели, специфичностью набора языковых средств, собственной жанровой парадигмой [1].

Туристический дискурс подразумевает коммуникацию людей, которые не принадлежат к определенной социальной группе или языковому сообществу. Несмотря на данный факт, участники коммуникации имеют четкое представление о жанровых особенностях туристического дискурса, а также об организации и способах обмена информацией.

Важным моментом, который необходимо учесть при выявлении характеристик туристического дискурса, является тип коммуникантов, участвующих в ситуациях, представляющих сферу туристического бизнеса. В качестве участников общения выступают, с одной стороны, широкие слои населения, рассматриваемые как реальные и потенциальные туристы, и, с другой стороны — различные организации туристической индустрии (туристические фирмы и агентства, авиа- и железнодорожные кассы, агентства гидов и гидов-переводчиков, работники сферы обслуживания и т. д.).

Рассмотренные выше специфические черты сферы функционирования туристического дискурса дают основание определить его типологический статус следующим образом: а) туристический дискурс, несомненно, является институциональной категорией, поскольку он используется по преимуществу в ситуациях общения, в которых, по крайней мере, одна из сторон представляет социальный и/или экономический институт, осуществляющий свою деятельность в рамках туристического бизнеса (менеджмент, маркетинг, финансовые потоки, кадровая политика, связи с общественностью, медийные ресурсы, институты культуры и искусства разных стран, государственные, юридические, социальные, природоохранные организации); б) входя в пространство институционального дискурса, туристический дискурс может быть отнесён к разновидностям делового дискурса, так как в качестве его атрибутивных признаков отчётливо проявляется официальность (участники общения находятся в официальных отношениях друг с другом, когда обе или одна из сторон выполняет конкретные профессиональные функции), статусность (отношения предусматривают социальную дистанцию), наличие деловой проблемы, определённость во времени и месте, нормативность коммуникативного поведения, этикетность, тональность, варьирующаяся в зависимости от типа адресата: в случае общения представителей организаций — официальность, нейтральность, этикетность; при общении с туристами — эмоциональность, оценочность, доверительность, преднамеренный переход на дружественные отношения, психологическое воздействие и т. п.

В связи со значительным возрастанием роли туризма в мире, возникла необходимость в более глубоком изучении туристического дискурса и его жанров. Следует отметить, что в лингвистике под жанром понимается совокупность таких характеристик текста, как манера изложения, речевая форма, принятые обществом традиционные методы строения речи и объединения речевых единиц. Жанры туристического дискурса могут быть определены следующим образом: 1) вербальные жанры, которые зависят от того, в какой ситуации и при каких обстоятельствах происходит вербальное общение (диалог с туроператором, экскурсия с гидом и т.д.); 2) невербальные жанры, т.е. письменные или печатные разновидности туристических текстов (брошюры, буклеты, путеводители, разговорники и т.д.) [4].

Наиболее сложным и специфическим из вышеперечисленных жанров туристического дискурса является путеводитель. Он не только является самым распространенным, но и сочетает в себе несколько других жанров туристического дискурса. Путеводитель является важнейшим источником информации о культуре страны, который обеспечивает взаимосвязь представителей разных стран в едином культурном пространстве.

В туристическом путеводителе приводится обширная информация о культуре, менталитете, отличительных особенностях быта определенной страны, а также некоторые исторические сведения. Он является своеобразной визитной карточкой страны. Каждый путеводитель включает в себя следующие разделы: 1) исторические факты; 2) традиционные праздники и культурные мероприятия; 3) информация о достопримечательностях; 4) карта и информация о месторасположении страны; 5) экскурсионные программы; 6) стоимость и время туров; 7) контактная информация. Кроме этих, путеводители могут содержать и другие разделы, а также могут иметь абсолютно разную структуру. Строгого образца и каких-то ограничений не существует. Также, в зависимости от основной тематики, путеводители могут подразделяться на различные типы (авторские, рекламные, энциклопедические, справочные и информационные). При этом все путеводители составляются таким образом, чтобы оказать должный эффект на читателя, заинтересовать, вызвать желание посетить ту или иную страну. По своей природе путеводитель является идеологическим текстом, который призван сформировать образ страны или смоделировать определенную реальность в сознании читателя. Таким образом, все путеводители оказывают определенное психологическое воздействие на пользователей. Для наиболее эффективного воздействия используются такие приемы, как: 1) иерархизация пространства – в тексте путеводителя выделяется только та местность, которая достойна обозрения, т.е. указываются наиболее привлекательные объекты (красивые пейзажи, памятники архитектуры и т.д.); 2) отбор фактов – авторы путеводителей приводят только те факты, которые могут привлечь читателей, опуская факты, способные их отпугнуть; 3) определенная трактовка – информация предоставляется читателю с определенной точки зрения с использованием в тексте различных стилистических и синтаксических приемов.

Также отмечается, что жанр путеводителя содержит в себе принцип креолизованности, то есть обязательного наличия иллюстраций (например, карты объекта или фотографии достопримечательностей). Фотографии и иллюстрации дополняют содержание текста, демонстрируя исключительные виды определенного географического объекта или пейзажа. Креолизация туристических текстов реализует главную стратегию данного дискурса, она формирует высокую положительную оценку туристического продукта.

Завершая рассмотрение специфики туристического дискурса, подчеркнём следующее: являясь разновидностью институционального делового дискурса, туристический дискурс обладает такими атрибутивными признаками, как официальность, статусность, нормативность, этикетность, деловая тональность.

В своих лингвопрагматических характеристиках туристический дискурс не является однородным — в соответствии со спецификой коммуникативных ситуаций, целей функционирования и типом адресата в нём можно выделить три подвида: профессиональный, академический и публичный туристический дискурс.

Туристический дискурс обладает рядом особенностей и жанров, которые сформировались вследствие потребности оптимизации межкультурной коммуникации в пределах данного дискурса.

Туристический путеводитель представляет собой сложный жанр туристического дискурса, поскольку обладает более сложной структурной организацией и разнообразием речевых тактик; д) благодаря медийному характеру туристического дискурса, он вступает во взаимодействие с другими типами дискурса (рекламным, научным, бытовым), что обуславливает использование в туристическом дискурсе стратегий и ценностей.

Список литературы

1. Аликина Е. Ю. Особенности функционирования метафоры в туристическом дискурсе // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 4. С. 80-86.
2. Завгородняя Т. М. Дискурсивное пространство французского туристического бизнеса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 4. С. 1-4.
3. Михайлов Н. Н. Английский язык для направлений «Сервис» и «Туризм». М.: Академия, 2011. 198 с.
4. Тарнаева Л. П., Дацюк В. В. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 3.
5. Филатова Н. В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония // Вестник МГОУ Серия «Лингвистика». 2012. Вып. 3. С. 41-46.

СЕКЦИЯ №25.

**ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ,
АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)
(ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)**

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2017 ГОД

Январь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны»**, г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2017г.

Февраль 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом»**, г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2017г.

Март 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы современных гуманитарных наук»**, г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2017г.

Апрель 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках»**, г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2017г.

Май 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук»**, г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2017г.

Июнь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Современные проблемы гуманитарных наук в мире»**, г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2017г.

Июль 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук»**, г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2017г.

Август 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Новые тенденции развития гуманитарных наук»**, г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2017г.

Сентябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки в современном мире»**, г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2017г.

Октябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы гуманитарных наук»**, г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2017г.

Ноябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития»**, г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2017г.

Декабрь 2017г.

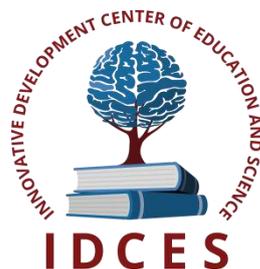
IV Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных гуманитарных наук»**, г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2018г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE



**Актуальные вопросы и перспективы развития
гуманитарных наук**

Выпуск IV

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2017 г.)**

г. Омск

2017 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.05.2017.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,1.
Тираж 250 экз. Заказ № 055.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58